

Маяковский
Б Е З Г Л Я Н Ц А

ПРОЕКТ ПАВЛА ФОКИНА

Павел Евгеньевич Фокин
Маяковский без глянца
Серия «Без глянца»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9526624

Маяковский без глянца ; [сост. П. Фокина, Д. Тимофеева ; вступ. ст. П. Фокина]: Амфора; Санкт-

Петербурге; 2008

ISBN 978-5-367-00869-2

Аннотация

Маяковский – исполин, трибун – по воле эпохи и властей давно обронзовел и окаменел. Но за монументальностью скрывалась противоречивая, страстная натура бунтаря и низвержителя. Книга открывает читателю всю сложность его биографии, где нет места ни глянцу, ни лакировке.

Содержание

«Строящая и бунтующая сила»	5
Личность	9
Облик	9
Во весь голос	19
Характер	22
Творчество	31
Декламатор	42
В мире искусства	47
Круг интересов	53
Свойства ума и мышления	57
Полемист	62
Остролов	66
Особенности поведения, манеры, привычки	70
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Маяковский без глянца

Сост. Павел Фокин

*Защиту интеллектуальной собственности и прав издательской группы «Амфора»
осуществляет юридическая компания «Усков и Партнеры»*

© Фокин П., составление, вступительная статья, 2008

© Тимофеев Д., составление, 2008

© Оформление. ЗАО ТИД «Амфора», 2008

* * *

«Строящая и бунтующая сила»

*...Он все еще никем не заменен и, как был, так и остался
крупнейшим поэтом нашей революции.
Лили Брик. Из письма И. В. Сталину*

Маяковский так много и так громко пел гимны Революции, ее вождям и идеологам, так искусно высмеивал и изобличал ее врагов, внешних и внутренних, так истово и целенаправленно, порой «становясь на горло собственной песне», нес в массы лозунги партийного руководства, планы социалистического строительства, идеи коммунистического будущего, что в конце концов все – и современники, и «товарищи потомки», и лично товарищ Сталин – признали его первым поэтом Революции. Он и сам так думал:

Я, ассенизатор
и водовоз,
революцией
мобилизованный и призванный,
ушел на фронт
из барских садоводств
поэзии –
бабы капризной.

Социальная буря, всколыхнувшая Россию в 1917-м, пришлась по душе двадцатичетырехлетнему поэту-бунтарю. Взволнованный, бежал он в сторону каждой перестрелки, буйствовал стихом и словом на всяком собрании и митинге, кровь гудела в жилах, заставляя сердце биться в лихорадке почище любовной.

Революция ему давно нравилась, еще в гимназические годы. Он мечтал о ней, как о первой женщине. С романтическим пылом готов был пойти на все. Ради нее трижды сидел в тюрьме. Ради нее разodelся в желтую кофту, вышел с пылающим взором на улицу, «мир огрумив мощью голоса», залепил «Пощечину общественному вкусу»: «Нате!». Ради нее мотался по городам и весям чеховской России, засеивая «самовитым словом» умы и воображение, раздражая и будоража горьковскую Русь.

Большой, сильный, шумный, он, как ему казалось, рожден был быть поэтом Революции. Рожден рушить старое и строить новое. *Разрушать, созидая.* Творить наперекор традиции, новыми ритмами и смыслами сбрасывать классиков с «корабля современности».

Славьте меня!
Я великим не чета.
Я над всем, что сделано,
Ставлю «nihil».

Ощущение собственной творческой силы – силищи! – было небывалым. И оно передавалось всем, притягивая и угрожая. Он должен был быть поэтом Революции.

Но стал ее *служой*: хроникером и летописцем, публицистом и агитатором, иллюстратором и пропагандистом. Служителем ее культа и мифотворцем. Сегодня, зная о тех годах даже толику правды, читать Маяковского больно. Зная, чем стал для России, для всего ее «150-миллионного» населения тот кровавый передел мира, который возглавили больше-

вики, читать Маяковского стыдно. Ибо впервые в истории русской поэзии поэт встал на сторону победителей, забыв о «милости к падшим» и великодушии.

Я
всю свою
звонкую силу поэта
тебе отдаю,
атакующий класс!

Так родилась советская поэзия – поэзия безжалостных победителей. Во время одной из своих поездок по Советскому Союзу Маяковский побывал на могиле Николая II. О своих впечатлениях и чувствах он позже рассказывал так: «Конечно, как будто ничего особенного – посмотреть могилу царя. Да и, собственно говоря, ничего там не видно. Ее даже трудно найти, находят по приметам, причем этот секрет знаком лишь определенной группе лиц. Но мне важно дать ощущение того, что ушла от нас вот здесь лежащая последняя гадина последней династии, столько крови выпившей в течение столетий»¹.

Маяковский был влюблен в Революцию. Был ею опьянен. И – не видел ее. Не слышал. Не понимал. А то, что видел и слышал – от природы наделен был острым глазом и чутким ухом, – понимал по-своему.

Я вижу –
где сор сегодня гниет,
где только земля простая –
на сажень вижу,
из-под нее
коммуны
дома
прорастают.

Так Дон Кихот в простушке Дульсинее признавал Прекрасную Даму.

Есть такое понятие – «бумажная архитектура». Так называют проекты, которые по каким-либо причинам (чаще всего экономическим, реже – эстетическим или идейным) остались лишь в чертежах и прорисовках. Исключительный интерес представляют собой творческие поиски советских архитекторов довоенных лет. Это грандиозные, величественные сооружения из новейших для того времени строительных материалов, причудливых конфигураций и форм, сочетающие в себе элементы здорового прагматизма и какой-то немислимой агитационно-пропагандистской декоративности. От них невозможно оторвать глаз, но стоит на минуту представить, что они могли бы быть реализованы, – душа холодеет.

Поэзия Маяковского – чистый образец «бумажной архитектуры» в стихах. То, чему посвятил свою лиру Маяковский (и до 1917 года, и в особенности – после), была не сама Революция, а – Мечта о ней. Эрос Революции. Ее вечное обещание и надежда. То, что приводит в восторг сердце, заставляет захлебываться адреналином.

Я с теми,
кто вышел
строить
и месть

¹ См.: Лавут П. И. Маяковский едет по Союзу. М.: Советская Россия, 1969.

в сплошной
лихорадке
буден.
Отечество
славлю
которое есть,
но трижды –
которое будет.

«Ему до всего есть дело, – восхищенно пишет о Маяковском его младший современник. – Все трогает его, все волнует, все его касается. Моя революция. Моя Москва. Моя милиция. Мой Моссовет.

Новый дом строится за сквером, где играют дети. Рабфаковцы, вотяки и черкесы, сидят возле университетской решетки под чугунными глобусами. Ломоносов смотрит на них с пьедестала.

– Что делается! – бормочет Маяковский про себя. – Что делается! Это уже социализм!

Молодежь толчется у витрин книжного магазина. Книги Маяковского выставлены среди других.

„Моя фамилия в поэтической рубрике. Радуюсь я. Это мой труд вливается в труд моей республики“.

Огромные „крикогубые“ буквы афиш извещают о предстоящем вечере поэта в Политехническом. „Хорошо!“ – орут афиши»².

Маяковский любил Революцию.

Любовь слепа. Любовь зла. Он ли не знал об этом, моливший некогда Бога:

Делай, что хочешь.
Хочешь, четвертуй.
Я сам тебе, праведный, руки вымою.
Только –
слышишь! –
убери проклятую ту,
которую сделал моей любимой!

А еще он любил Лилю.

Он встретил ее в 1915-м. С ходу, в присутствии озадаченного и ошарашенного мужа посвятил ей свою первую лирическую поэму (написанную не о ней!), и с тех пор каждую стихотворную строку отдавал ей. С того часа его лира зазвенела для Лили. И ни для кого больше. Ни для чего. Он стал добровольно, всецело, безоговорочно ее собственным, личным, персональным поэтом. Даже когда в 1920-м он *анонимно* печатал революционную поэму «150 000 000», потребовал в типографии, чтобы специально были оттиснуты три экземпляра с посвящением любимой, и непременно, чтобы это были *три первых экземпляра* в тираже, а когда оказалось, что технически это невозможно осуществить, потребовал от метранпажа объяснительную, которую и представил Лиле!

Она распорядилась им вполне.

Взяла,
отобрала сердце

² См.: Кассиль Л. А. Маяковский – сам. М.: Детгиз, 1963.

и просто
пошла играть –
как девочка мячиком.

По воле ее он мог уничтожить не понравившееся ей стихотворение и, напротив, отказаться от сожжения творческих рукописей. В голодный год мог отыскать в пустой и холодной Москве две бесценные морковины, необходимые для поддержания ее больного и истощенного организма. А позже искаживал часы по парижским магазинам, выполняя ее заказы – от изысканного белья до модного автомобиля.

Она была маленькой, изящной и едва ли красивой. Но для него стала *всем*. Навсегда.

Не смоят любовь
ни ссоры,
ни версты.
Продумана,
выверена,
проверена.

Надо помнить, что когда пришла Революция, его сердце уже было занято Лилей.

Революция была Мечтой, Лиля – Жизнью.

Мечта была простой, ясной и цельной, диалектически обоснованной: через тернии – к звездам! Она была катастрофически далека о реальности, от правды будней и исторической перспективы.

Жизнь – сложной, капризной, противоречивой, подвластной обстоятельствам и прихоти, чтобы и журавль в небе, и – синица в руках. Она открывала подлинность настоящего, обличала действительность, настораживала перед будущим.

Маяковский попытался жить, не расставаясь с Мечтой. Мечтать, не отказываясь от Жизни.

Быть одновременно поэтом Лили и поэтом Революции. «Строящей и бунтующей силой».

Не получилось.

«Единица – ноль, единица – вздор», – написал поэт, чья первая книга стихов называлась «Я!». «Голос единицы – тоньше писка!» – сказал тот, кто своим басом-профундо накрывал любые аудитории. «Кто его услышит?» – спрашивал участник альманаха «Рыкающий Парнас». И, точно опомнившись, попытался вновь заявить о себе – «Во весь голос». Но было уже поздно.

История Маяковского объясняет нам, как и кем могла осуществиться в России Революция и почему через десять лет она выродилась в чудовище тоталитарного государства. Делалась она от избытка любви к Мечте. Погибла от избытка любви к Жизни.

Павел Фокин

Личность

Облик

Лили Юрьевна (Урьевна) Брик (урожд. *Каган*; 1891–1978), жена *О. М. Брика*, возлюбленная и гражданская жена *Маяковского*, адресат его лирики:

Когда представляю себе Володика по фотографиям, получается крошечная модель Володи. Нужен гигантский портретище, чтобы была хоть тень иллюзии.

Александра Алексеевна Маяковская (урожд. *Павленко*; 1867–1954), мать *Маяковского*:

(В 1908 г. – Сост.) Володя не носил гимназической формы, а ходил в длинном пальто и папахе, которые дал ему товарищ.

Давид Давидович Бурлюк (1882–1967), поэт, художник. В 1911–1913 гг. член художественных объединений «*Der Blaue Reiter*», «*Бубновый валет*», «*Союз молодежи*». Организатор и участник футуристических сборников «*Садок судей*», «*Пощечина общественному вкусу*», «*Дохлая луна*» и др. Друг молодости и соратник *В. Маяковского*:

Уже в юности была у *Маяковского* какая-то мужественная суровость, от которой при первой встрече становилось даже больно. Как бархат вечера, как суровость осенней тучи.

Описание примет Московского охранного отделения:

Возраст по наружному виду – 17–19 лет. Год и месяц рождения – 7 июля 1893.

Полнота – средняя. Телосложение – среднее.

1) Волосы: Цвет – русые. Волнистость – гладкие. Густота – густые.

2) Борода и усы: Цвет. Форма. Густота. Особенности – маленький пушок.

3) Лицо: Цвет – желтое. Полнокровие – среднее. Выражение – серьезное.

4) Лоб: Высота – средняя. Наклон – немного назад. Форма головы – овальная.

5) Брови: Цвет – русые. Форма – овальная. Густота – густые. Расположение – среднее.

6) Глазные впадины (орбиты): Величина – средняя. Глубина – средняя.

7) Глаза: Цвет радужки – коричневый. Расстояние между глаз – среднее.

8) Нос: Спинка – немного вогнутая. Основание – прямое. Высота – средняя. Длина – средняя. Ширина – средняя.

9) Ухо: Форма – овальная. Оттопыренность – большая. Величина – средняя.

10–13) (Вопросы, касающиеся детального строения уха, не заполнены.)

14) Губы: Форма – прямая. Высота – высокие. Толщина – средняя. Выступание – ровное.

15) Подбородок: Длина – средняя. Наклон – вперед. Форма – круглая. Полнота – средняя.

16) Плечи: Ширина – узкие. Наклон – прямые. Шея – тонкая, длинная.

17) Руки: Величина – средняя. Привычка держать – свободная.

18) Ступни ног: Длина (№ обуви) 10–11.

19) Осанка (выправка корпуса, манера держаться): свободно.

20) Походка: ровная, большой шаг.

<Рост одетого *Маяковского*, в шапке – 1 м 85 см.>

Николай Николаевич (до 1911 г. Ассеев) Ассеев (1889–1963), поэт. Член группы «Центрифуга». Друг В. Маяковского.

Я узнал его, идущего по Тверскому бульвару, именно по непохожести на окружающее. Высокий детина двигался мне навстречу, издали приметный в толпе ростом, сиянием глаз, широким шагом, черной, расстегнутой на горле блузой.

Алексей Елисеевич Крученых (псевд. Александр Крученых; 1886–1968), поэт, прозаик, теоретик футуризма, художник, мемуарист, коллекционер. Друг молодости и соратник В. Маяковского:

Маяковский того времени – еще не знаменитый поэт, а просто необычайно остроумный, здоровенный парень лет 18–19, учившийся живописи, носил длинные до плеч черные космы, грозно улыбался. Рот у него был слегка завалившийся, почти беззубый, так что многие знакомые уже тогда звали его в шутку «стариком».

Ходил он постоянно в одной и той же бархатной черной рубашке, имел вид анархиста-нигилиста.

Лев Федорович Жегин (наст фам. Шехтель; 1892–1969), художник, теоретик искусства, член общества «Маковец»; учился вместе с В. Маяковским в Училище живописи, ваяния и зодчества:

Тогда Маяковский немного придерживался стиля «vagabond». Байроновский поэт-корсар, сдвинутая на брови широкополая черная шляпа, черная рубашка (вскоре смененная на ярко-желтую), черный галстук и вообще все черное, – таков был внешний облик поэта в период, когда в нем шла большая внутренняя работа, когда намечались основные линии его творческой индивидуальности.

Бенедикт Константинович (Наумович) Лившиц (1886–1938), поэт, переводчик, мемуарист, член группы «Гилея». Друг молодости и соратник В. Маяковского:

Одетый не по сезону легко в черную морскую пелерину со львиной застежкой на груди, в широкополой черной шляпе, надвинутой на самые брови, он казался членом сицилианской мафии, игрою случая заброшенным на Петербургскую сторону.

Его размашистые, аффектированно резкие движения, традиционный для всех оперных злодеев басовый регистр и прогнатическая нижняя челюсть, волевого выражения которой не ослабляло даже отсутствие передних зубов, сообщающее вялость всякому рту, – еще усугубляли сходство двадцатилетнего Маяковского с участником разбойничьей шайки или с анархистом-бомбометателем, каким он рисовался в ту пору напуганным богровским выстрелом салопницам.

Давид Давидович Бурлюк:

Маяковский тех, уже далеких лет был очень живописен. Он был одет в бархатную черную куртку с откладным воротником. Шея была повязана черным фуляровым галстуком; косматился помятый бант; карманы Володи Маяковского были всегда оттопыренными от коробок с папиросами и спичками.

Виктор Борисович Шкловский (1893–1984), литературовед, писатель, критик, мемуарист. Друг молодости и соратник В. Маяковского:

В карманах в черной бархатной блузе спички, дешевые папиросы. Блокнот. Книга. Карманы оттопырены. Шея сильная, не тонкая. Волосы откинута назад, каштановые, для невнимательных людей черные. Руки красные от мороза, брюки узкие, черные, запыленные. Зубов шестнадцать разрушено. Хорошие зубы там же, где бутерброд с колбасой, – они стоят денег на починку.

Губы тяжелые, уже привыкшие отчетливо артикулировать.

Давид Давидович Бурлюк:

Маяковский был высокого роста, со слегка впалой грудью, с длинными руками и большими кистями, красными от холода; голова юноши была увенчана густыми темными волосами, стричь которые он начал много позже; с желтыми щеками лицо его смягчено крупным, жадным к поцелуям, варенью и табаку ртом, прикрытым большими губами; нижняя во время разговора кривилась на левую сторону. Это придавало его речи, внешне, характер издевки и наглости. Губы Маяковского всегда были плотно сжаты.

Ольга Владимировна Гзовская (1883–1962), актриса театра и кино, сценарист, мемуаристка. На сцене с 1905 г. В 1905–1910 и 1917–1919 гг. – на сцене Малого театра в Москве:

Сверкающие темные глаза, вихрастые волосы, озорной взгляд, всегда энергичный, с быстрой сменой мимики очень красивого лица.

Софья Сергеевна Шамардина (1894–1980) в 1913 г. приехала из Минска в Петербург учиться на Бестужевских курсах. Возлюбленная В. Маяковского в 1913–1914 гг.:

Высокий, сильный, уверенный, красивый. Еще по-юношески немного угловатые плечи, а в плечах косая сажень. Характерное движение плеч с перекосом – одно плечо вдруг подыметсЯ выше и тогда, правда, – косая сажень.

Большой, мужественный рот с почти постоянной папиросой, передвигаемой то в один, то в другой уголок рта. Редко – короткий смешок его.

Мне не мешали в его облике гнилые зубы. Наоборот – казалось, что это особенно подчеркивает его внутренний образ, его «свою» красоту.

Особенно когда он – чуть нагловатый, со спокойным презрением к ждущей скандалов уличной буржуазной аудитории – читал свои стихи: «А все-таки», «А вы могли бы?», «Любовь», «Я сошью себе черные штаны из бархата голоса моего»...

Лев Федорович Жегин:

Маяковский не шел, а маячил. Его можно было узнать за версту не только благодаря его росту, но, главным образом, по размашистости его движений и немного корявой и тяжелой походке.

Бенедикт Константинович Лившиц:

В одно из <...> октябрьских утр <...> на пороге показался приехавший прямо с вокзала Маяковский.

Я не сразу узнал его. Слишком уж был он непохож на прежнего, на всегдашнего Володю Маяковского.

Гороховое в искру пальто, очевидно купленное лишь накануне, и сверкающий цилиндр резко изменили его привычный облик. Особенно странное впечатление производили в сочетании с этим щегольским нарядом – голая шея и светло-оранжевая блуза, смахивавшая на кофту кормилицы.

Маяковский был детски горд переменой в своей внешности, но явно еще не освоился ни с новыми вещами, ни с новой ролью, к которой обязывали его эти вещи.

В сущности, все это было более чем скромно: и дешевый, со слишком длинным ворсом цилиндр, и устарелого покроя, не в мерку узкое пальто, вероятно приобретенное в третьеразрядном магазине готового платья, и жиденькая трость, и перчатки факельщика; но Володе

его наряд казался верхом дендизма – главным образом оранжевая кофта, которой он подчеркивал свою независимость от вульгарной моды.

Эта пресловутая кофта, напыленная им якобы с целью «укутать душу от осмотров», имела своей подоплекой не что иное, как бедность: она приходилась родной сестрою турецким шальварам, которые носил Пушкин в свой кишиневский период.

Лили Юрьевна Брик:

Маяковский в то время был франтом – визитка, цилиндр. Правда, все это со Сретенки, из магазинов дешевого готового платья.

Бенедикт Константинович Лившиц:

Решив, что его наряд уже примелькался, он потащил меня по мануфактурным магазинам, в которых изумленные приказчики вываливали нам на прилавок все самое яркое из лежавшего на полках.

Маяковского ничто не удовлетворяло.

После долгих поисков он набрел у Цинделя на черно-желтую полосатую ткань неизвестного назначения и на ней остановил свой выбор.

Угомонившись наконец, он великодушно предложил и мне «освежить хотя бы пятном» мой костюм. Я ограничился полуаршином чудовищно-пестрой набойки, из которой, по моим соображениям, можно было выкроить достаточно кричащие галстук и носовой платок. На большее у меня не хватило размаха.

Сшила полосатую кофту Володина мать.

Софья Сергеевна Шамардина:

Его желтая, такого теплого цвета кофта. И другая – черные и желтые полосы. Блестящие сзади брюки, с бахромой. Цилиндр. Руки в карманах.

«Я в этой кофте похож на зебру» – это про полосатую кофту – перед зеркалом.

Эльза Триоле (Triolet, урожд. Каган Элиза Юрьевна (Урьевна); 1896–1970), французская писательница, сестра Л. Ю. Брик, жена Луи Арагона:

Первое появление Маяковского в цилиндре и черном пальто, а под ним – желтой кофте-распашонке привело открывшую ему горничную в такое смятение, что она шархнула от него в комнаты за помощью.

Василий Васильевич Каменский (1884–1961), поэт, прозаик, драматург, актер (в труппе Вс. Мейерхольда), художник. Один из первых русских авиаторов. Публиковался в футуристических сборниках «Молоко кобылиц», «Рыкающий Парнас», «Первый журнал русских футуристов», «Дохлая луна» и др. Друг молодости и соратник В. Маяковского:

О Маяковском в связи с первым выступлением харьковская газета «Утро» в статье «У московских футуристов» писала:

«Привлекла внимание публики и знаменитая „желтая кофта“ Маяковского.

„Желтая кофта“ оказалась обыкновенной блузой без пояса, типа парижских рабочих блуз, с отложным воротником и галстуком, ничуть не более шокирующая, чем наши косоворотки. Необычным оказался только ее цвет. Блуза оказалась в широких черных и оранжево-желтых полосах. На красивом, смуглом и высоком юноше блуза производила очень приятное впечатление».

Алексей Елисеевич Крученых:

Маяковский в блестящей, как панцирь, золотисто-желтой кофте с широкими черными вертикальными полосами, косая сажень в плечах, грозный и уверенный, был изваянием раздраженного гладиатора.

Василий Васильевич Каменский:

«Саратовский вестник» от 21 марта 1914 года рассказывал следующее:

«...Первым говорил Маяковский.

На эстраду вышел очень молодой человек в красном пиджаке, с бутоньеркой. Походка несколько развинченная, манера говорить намеренно небрежная, хотя, впрочем, только вначале...»

Софья Сергеевна Шамардина:

А летом 1914 года мы встретились в Москве. <...>

В Москве в это лето он не ходил в своих желтых кофтах, помнится рубаха-ковбойка. Пиджачок какой-то.

Павел Григорьевич Антокольский (1896–1978), поэт, актер и режиссер студии, а затем театра Е. Вахтангова, драматург, мемуарист:

За пять лет он разительно изменился: подтянулся и внешне и внутренне, похудел, стал стройнее, остриг и причесал когда-то непослушные патлы. Что-то было в нем от интеллигентного рабочего высокой квалификации – не то монтер-электрик, не то железнодорожник, ненароком забредший в особняк инженера из «красных»: ситуация, близкая к драматургии Горького. От него шла сдержанная, знающая себе цену сила.

Софья Сергеевна Шамардина:

Однажды сказал, что вот зубы гнилые, надо вставить, я запротестовала – не надо!

И когда позднее, уже в 1915 или 1916 году, я встретила его с ровными, белыми зубами – мне стало жалко. Помню, что я даже с досадой обвинила в замене его зубов Лилю Брик. Это она сделала.

Виктор Борисович Шкловский:

Л. Брик Маяковского остригла, передела. Он начал носить тяжелую палку.

Галина Дмитриевна Катанян (1904–1991) в молодости занималась журналистикой, потом была эстрадной певицей. Вместе с мужем В. А. Катаняном дружили с В. Маяковским, были знакомы домами:

Маяковский был крупный, высокий, красивый человек. Он был красив мужественной красотой – скорее напоминал лесоруба, охотника, чем писателя. Был сложен пропорционально, но немножко медвежковат благодаря своим крупным размерам. Несмотря на это он двигался легко и танцевал превосходно. Я не видела человека более впечатляющей и запоминающейся внешности.

Из газеты «Красная Татария»:

Такой же большой и мощный, как его образы. Над переносицей вертикальная морщина. Тяжелый, слегка выдающийся подбородок. Фигура волжского грузчика. Голос – трибуна. <...> Одет в обыкновенный совработничий пиджак, лежащий на нем мешком.

Юрий Карлович Олеша (1899–1960), писатель, драматург, мемуарист. Автор романов «Три толстяка» (1924), «Зависть» (1927). Знакомый В. Маяковского:

Маяковский был высокий, вернее – большой, потому что не астеничен, как большинство высоких, а, наоборот, сильного телосложения. У него была крупная голова, гармонически подходившая к большой фигуре, твердый нос, тоже не маленький, который часто свистел насморком, – Маяковский говорил, что как южанин он то и дело простуживается в Москве, – выдающийся вперед подбородок.

Наталья Александровна Луначарская-Розенель (1902–1962), драматическая актриса, жена наркома просвещения А. В. Луначарского:

Большого роста и при этом очень складный, с широкими, уверенными движениями, хорошо посаженной круглой головой и внимательным взглядом золотисто-карих глаз, он вдруг улыбался как-то очень молодо и по-мальчишески застенчиво, и от этой улыбки у его собеседника сразу исчезала всякая скованность при общении с ним.

Юрий Карлович Олеша:

Глаза у него были несравненные – большие, черные, с таким взглядом, который, когда мы встречались с ним, казалось, только и составляет единственное, что есть в данную минуту в мире. Ничего, казалось, нет сейчас вокруг нас, только этот взгляд существует.

Корнелий Люцианович Зелинский (1896–1970), критик, литературовед, мемуарист, входил в группу конструктивистов. Знакомый В. Маяковского:

Все в нем большое: рост, ручки, ножищи. Голова, остриженная под машинку, и глаза – такие выпуклые и пристальные, словно он вбирает в себя, когда вглядывается. <...> И лицо бугристое, брови, нос, подбородок.

Владимир Николаевич Яхонтов (1899–1945), российский артист эстрады. Мастер художественного слова. Выступал с 1922 г.:

Я заметил, что у него перегоревший от курения рот. Я встретился с глазами, способными смотреть длинно, с бескрайним глубоким горизонтом, обещающим новые, неоткрытые земли.

Иван Васильевич Грузинов (1893–1942), поэт, мемуарист. Член «Ордена имажинистов»:

В его пронизывающих карих глазах, смотревших почти всегда чуть-чуть исподлобья, чувствовалась большая внутренняя сила.

Его глаза отличались вот какой особенностью: каждый раз, когда их обладатель бросал на вас свой взор, вы ощущали удар, похожий на чисто физическое прикосновение. Поэт отводил от вас взгляд, снова устремлял его на вас – и вы снова получали удар почти такой же силы. И так без конца.

Василий Абгарович Катанян (1902–1980), приятель и биограф В. Маяковского, с 1937 г. – гражданский муж Л. Ю. Брик:

Бритая голова, очень внимательные умные глаза. Галстук бабочкой. Общее впечатление от всего облика – величественное ощущение силы и чистоты. <...>

Худые скулы, красивый сухой лоб, серьезно выраженные надбровья, неразглаживаемая складка между бровями, – худая вся верхняя половина лица и большие щеки и челюсть, которая неожиданно из доброй и мягкой умела становиться сильной и тяжелой.

Петр Васильевич Незнамов (1889–1941), поэт. В 1920–1921 гг. в Чите принимал участие в организации и проведении вечеров и диспутов, посвященных творчеству Маяков-

ского. После переезда в Москву вошел в литературную группу ЛЕФ, был секретарем редактируемого В. Маяковским журнала «ЛЕФ»:

Маяковский тогда ходил остриженный под машинку – высокий, складный человек, хорошо оборудованный для ходьбы, красивый и прочный, выносливый, как думалось мне, на много десятилетий вперед. В каком он был костюме – не помню, но казался вросшим в него, и костюм был рад служить этому органически опрятному человеку. <...>

Ничего от «тигра», на чем настаивал Бурлюк, в нем не было, скорей что-то «медвежатное», если принять в расчет всем известную элегантную «неуклюжесть» его.

Тем не менее жест его был свободен и размашист, движение не связано; большие руки всегда находили работу; «снарядами», на которых он упражнял свою силу и гибкость своих пальцев, были: то стакан с чаем, то папираса, то длинная металлическая цепочка, наматываемая и разматываемая, то карты.

Иван Васильевич Грузинов:

У Маяковского скромный, но чистый костюм. Полное отсутствие суетливости. Размеренный и спокойный ритм движений.

Елена Владимировна Семенова (1898–1983), художник-конструктор, входила в ЛЕФ:

Ни Маяковский, ни Брик никогда не носили «прозодежды». Предпочитали добротные костюмы, вязанные джемперы спортивного типа, рубашки с очередными модными галстуками. Думается, что здесь было влияние Лили Юрьевны, предпочитавшей обычную современную одежду.

Галина Дмитриевна Катанян:

Одевался он элегантно. Все вещи его – начиная с костюма и кончая паркерской ручкой и бумагой для писем – были дорогими и добротными.

Лев Осипович Равич (1909–1957), поэт и очеркист:

В верхнем кармане пиджака вдет часовая цепочка из витой кожи.

Валентин Петрович Катаев (1897–1986), писатель, драматург, мемуарист. Знакомый В. Маяковского:

Взвинченный, веселый, изысканно вежливый, сверкающий всеми красками своего неповторимого юмора, Маяковский в парижском пуловере, с узким ремешком карманных часов на лацкане пиджака – было сверхмодно носить часы в нагрудном карманчике пиджака, – с наголо остриженной головой – гигиенично, современно, конструктивно, а также потому, что: «Причесываться? На время не стоит труда, а вечно причесанным быть невозможно!»

Лев Александрович Гринкруг (1889–1987), кинематографист, близкий друг В. Маяковского, Бриков и Эльзы Триоле:

Всегда аккуратно, чисто одетый, всегда в безукоризненно «свежевымытой» сорочке, выутюженном костюме, всегда чисто выбритый, Маяковский никогда ни при каких обстоятельствах, ни дома, ни тем более вне дома, не распускался и не позволял себе никакой вольности в своем внешнем виде.

Александр Вильямович Февральский (1901–1984), театровед, мемуарист:

Живя на Мясницкой, рядом с главным почтамтом, я часто встречал на этой улице Маяковского: летом – в пиджаке и кепке, зимой – в короткой куртке и плоской шапке. Сосредоточенный, размахивая палкой, он мерил улицу большими шагами.

Юрий Карлович Олеша:

У него трость в руке. Он не столько ударяет ею по земле, сколько размахивает в воздухе.

Лев Абрамович Кассиль (1905–1970), писатель, участник группы ЛЕФ, приятель Бриков и В. Маяковского:

Грохая тростью в асфальт, легко обгоняя попутных, круто обходя встречных, неся широкие плечи над головами прохожих, шагает Маяковский по Москве – твердо и размашисто. За ним в толпе завиваются воронки, как в воде за пароходом. Все оборачиваются, смотрят ему вслед. Одни узнают: «Маяковский прошел», взоры других увлекает за собой необыкновенность, широта и прямизна этой поступи.

Он шагает по Москве. Он уже стал частью Москвы. Его голос уже влит в грохот столицы. Его походка стала чертой уличного движения. Нельзя, кажется, представить себе Москву без него. Стук его трости, шаг его, пологий покат плеч, плывущих над головами, навсегда запомнит Москва.

Он идет, не поворачивая головы, но из-под тяжелых бровей глаз пронзительно и цепко, как гарпун, вонзается и в поваленную урну на заплыванном тротуаре, и в самолет, плывущий по небу.

Василий Абгарович Катанян:

Поспевать за ним, если он не прогуливается, а держит путь в определенное место, не так уж просто.

Лев Вениаминович Никулин (1891–1967), писатель, мемуарист. Знакомый В. Маяковского:

Он был неотделим от московского пейзажа, летнего пыльного полдня и московской сумеречной белой ночи. <...> Здесь он необходим, нужен, естественен, именно здесь, на улицах, он был более к месту, чем в тесном человеческом жилье. Только на улице и на эстраде Политехнического музея или Дома союзов он был пропорционален масштабам зданий.

Наталья Александровна Брюханенко (1905–1984), издательский работник, входила в группу ЛЕФ, в 1926–1927 гг. – возлюбленная Маяковского:

Вечер состоялся в клубе Центрального телеграфа на Тверской. Пришли мы слишком рано, и не хотелось ждать в помещении. Была чудесная весенняя погода. Мы вышли на улицу, и Маяковский сел на ступеньки телеграфа, расставив ноги, держа между ними трость и положив на нее скрещенные руки. Мне запомнился он таким. Уж очень это было здорово, как он расположился в центре Москвы, на улице, как у себя дома. Очень солидно и по-хозяйски сидел он тогда на ступеньках здания телеграфа.

Лев Вениаминович Никулин:

Но это не была типично русская фигура былинного богатыря, которая идет только русскому фону. И Бруклинскому мосту в Нью-Йорке, и пальмам мексиканских городов подходил интернациональный облик поэта.

Из репортажа газеты «Эль универсаль иллюстрадо» (Гавана):

Это – сильный молодой человек высокого роста, чья мощь проявляется совершенно одинаково как в улыбке и взорах, так и в движениях, всегда очень ловких, несмотря на его

корпуленцию. <...> Меня поразила какая-то необыкновенная гармония между его физическими и духовными данными; он как бы олицетворяет собой известную поговорку: «здоровый дух – в здоровом теле».

Из репортажа газеты «Фрайгайт» (Нью-Йорк):

Маяковский бросает выкуренную русскую папиросу, закуривает другую и начинает ходить из угла в угол большой мебелированной комнаты на Пятой авеню. Его высокая сильная фигура с энергичными обветренными чертами лица и крепкими мускулами стройна, как на марше... В нем совершенно нельзя признать русского. Он больше напоминает мексиканского ковбоя. Вот он остановился, бросил через окно взгляд на Пятую авеню – и своим глубоким, громовым, заполняющим всю комнату голосом сказал:

– Эх, скучно тут у вас! <...>

Вот он – Маяковский! Так же прост и велик, как и сама Советская Россия. Гигантский рост, крепкие плечи, простенький пиджачок, коротко остриженная большая голова и широкая русская ноздря.

С виду – ничего величественного, отличительного: просто русский парень, здоровенный, угловатый, размашистый.

Лев Вениаминович Никулин:

1929 год.

Из гостиницы «Истриа» на Монпарнасе выходит человек тридцати шести лет. Он высок ростом, широкоплеч и сложен пропорционально и складно. На нем скромная добротная одежда – так может одеваться паровой механик, рабочий в праздничный день. Он волочит за собой тяжелую трость, а иногда ставит ее вертикально перед собой. Нельзя угадать национальность человека, – у него глаза южанина, широкий подбородок англосаксонца и цвет кожи американца, у которого есть примесь индейской крови. У него большой рот. Он кажется большим оттого, что у этого человека привычка растягивать губы, когда он говорит и хочет, чтобы его правильно поняли.

Иван Васильевич Грузинов:

У Маяковского почти всегда крепко сжатые челюсти. Его лицо почти всегда выражает сильное нервное напряжение.

Вероника Витольдовна Полонская (1908–1994), актриса МХАТа, мемуаристка.
Жена артиста М. М. Яншина. Последняя возлюбленная В. Маяковского:

Осип Максимович сказал:

– Обратите внимание, какое несоответствие фигуры у Володи: он такой большой – на коротких ногах.

Действительно, при первом знакомстве Маяковский мне показался каким-то большим и нелепым в белом плаще, в шляпе, нахлобученной на лоб, с палкой, которой он очень энергично управлял.

Алексей Алексеевич Боровой (1875–1935), теоретик «эстетического анархизма», в 1914–1915 гг. заведовал литературным отделом газеты «Новь», где печатался В. Маяковский:

Физически, несмотря на его грубо эффектную наружность, он был мне противен. Мне мерзоподобен был его готтентотский зад, которым он вилял на ходу.

Юрий Карлович Олеша:

Иногда он появлялся на веранде ресторана «Дома Герцена»...

Когда он появлялся на веранде, все шепталось, переглядывалось и, как всегда перед началом зрелища, откидывалось к спинкам стульев. Некоторые, знакомые, здоровались. Он замедлял ход, ища взглядом незанятый столик. Все смотрели на его пиджак – синий, на его штаны – серые, на его трость – в руке, на его лицо – длинное – и в его глаза – невыносимые!

Валентин Петрович Катаев:

В углу его крупного, хорошо разработанного рта опытного оратора, эстрадного чтеца с прекрасной артикуляцией и доходчивой дикцией, как всегда, торчал окурок толстой папиросы высшего сорта, и он жевал его, точнее сказать, перетирал синеватыми искусственными зубами, причем механически двигались туда и сюда энергичные губы и мощный подбородок боксера.

В его темных бровях, в меру густых, таких, которые, как я заметил, чаще всего встречаются у очень способных, одаренных юношей, было тоже нечто женское, а лоб, мощно собранный над широкой переносицей, был как бы рассечен короткой вертикальной морщиной, глубоко черневшей треугольной зарубкой.

С недавнего времени он почему-то отрастил волосы, и они разваливались посередине лба на стороны, придавая несвойственный ему вид семинариста, никак не соответствующий тому образу Маяковского – футуриста, новатора, главаря, который сложился у меня с первых дней нашего восьмилетнего знакомства, то есть с самого начала 20-х годов.

Теперь, когда он стал памятником, очень трудно представить его себе не таким, как на площади Маяковского, на невысоком цоколе, с семинарскими волосами. Между тем почти все время, за исключением самого начала и самого конца своей писательской жизни, он коротко стригся, иногда наголо, машинкой под ноль, и его голова – по-моему, иногда даже просто начисто выбритая – определенностью своей формы напоминала яйцо.

Ольга Дмитриевна Форш (урожд. Комарова 1873–1961), писательница, художница:

Маяковский, по своему большому росту, был сразу отличен от всех. Он стоял, прислонившись к деревянной колонне, и хотя отвечал говорившему с ним, но думал о чем-то своем и грозно смотрел перед собой.

– Ангел... – начал мосье Франсуа.

– Которая? – оживилась Алиса.

– Я не про даму, я про поэта. Это его написал художник на стене киевского собора. Ангел страшного суда, он держит в руках весы правосудия. То же самое грозное лицо.

Во весь голос

Алексей Елисеевич Крученых:

Голос, этот самый совершенный инструмент, математически точно воспроизводящий мысль и образ, краски и звуки, и все многообразие бытия, – полонил Маяковского и был покорен им. Поэт подчеркивал это даже в названиях своих книг: «Маяковский для голоса», «Во весь голос». Все вещи Маяковского написаны для громкого чтения, для эстрады, для площади. Маяковский весь в голосе, и даже собственные живопись и рисунок он поставил на службу своей поэзии.

Софья Сергеевна Шамардина:

Он любил свой голос, и часто, когда читал для себя, чувствовалось, что слушает себя и доволен: «Правда, голос хороший?.. Я сошью себе черные штаны из бархата голоса моего...» Льетесь глубокий, выразительный, его особого, маяковского тембра голос.

Лиля Юрьевна Брик. В записи Григория Израилевича Полякова:

Голос <...> не был богат интонациями, но достаточно выразительный. Говорил размеренно, со средней быстротой, с большой напористостью и убедительностью, скандировал слова. Подобно остальным движениям, речь не была плавной, но часто имела резкий, обрывистый, «глыбистый» характер, слова произносились звучно, внушительно, как бы «падали».

Любил напевать, но чрезвычайно при этом фальшивил, вследствие полного отсутствия музыкального слуха.

Галина Дмитриевна Катанян:

У него глубокий бархатный бас, поражающий богатством оттенков и сдержанной мощью. Его артикуляция, его дикция безукоризненны, не пропадает ни одна буква, ни один звук.

Василий Абгарович Катанян:

Надо было увидеть его после «квартирного тихо» на эстраде, чтобы понять, что этот голос, хотя и по росту, но совсем не резкий, густой и приятный, имеет свойство разрастаться, заполняя тысячные залы без остатка, что есть в нем, когда нужно, рывкающая сила, сотрясающая стекла и колонны.

Иван Васильевич Грузинов:

Сильное впечатление на слушателей производил огромный голос поэта, которым он в совершенстве владел. Это металлический бас, изредка переходящий на высоких нотах в фальцет: обыкновенно высокие ноты произносились фальцетом при длительном чтении стихов. По-видимому, от переутомления.

Алексей Елисеевич Крученых:

Можно сказать, что голос Маяковского был лучшим показателем его поэтического здоровья.

Трудно указать в мировой литературе поэта, стиховая техника которого была бы так тесно связана с его голосовым аппаратом, как это было у Маяковского. Грубые, грузные слова, например, несомненно были обусловлены могучим нижним регистром баса Маяковского. Правда, в его диапазоне были и звенящие верхние ноты. Но именно они часто пере-

ходили в фальцет, в визг, ими прорывалась стихия скулящей лирики, всяческого упадка и сомнения в себе.

Полное владение Маяковского своим голосом совпадало с наиболее благотворными периодами его деятельности. Именно в это время он особенно охотно и блестяще выступал перед аудиторией. В эти моменты поэт был убежден, что каждое его слово –

душу новородит,
именинит тело.

<...> Помню, в двадцатые годы меня поразило следующее: кроме главной, основной волны голоса, слышались и еще какие-то дополнительные голоса, как будто я слушал орган.

Григорий Филиппович Котляров (1890 – около 1970), художник, соученик В. Маяковского по Школе живописи, ваяния и зодчества в Москве:

Трудно передать очарование этого неторопливого, отяжеленного выразительной уверенностью голоса. Вначале он мог бы показаться несколько назойливым и однообразным, но, по мере того как разворачивались стиховые ритмы, этот голос креп, поднимался, падал, сплетался в узор гибких, увлекающих за собой интонаций. Порою звенел он торжественно и глухо, порою сверкало в нем острое колкой насмешки. Широкое, неуправляемое течение речи влекло за собой весь зал. Так идет река после ледохода, налитая до краев, тяжелая, уверенная, спокойная и властная, каждой каплей чувствующая близость необъятного моря.

Из репортажа газеты «Эль универсаль иллюстрадо» (Гавана):

Без всякой позы, исключительно благодаря своим природным данным – дыханию, которое чудодейственно ритмизирует и делает необыкновенно яркими все оттенки голоса, – подчиняет себе Маяковский слово настолько, что оно способно увлечь массу даже тогда, когда бывает предназначено для несравненно более узкого круга.

Иван Васильевич Грузинов:

Однажды в полдень я увидел Маяковского шагающим с двумя неизвестными мне людьми по Советской площади. Это было в начале двадцатых годов, в момент обострения отношений между Советским Союзом и Англией.

Маяковский и его спутники быстро взобрались по внутренней лестнице на верхнюю площадку обелиска Свободы.

Маяковский начал читать стихи, проникнутые чувством страстной любви к родине.

Голос его был отчетливо слышен. Пространство Советской площади было для его голоса таким же, каким для голоса многих других людей является пространство обыкновенной комнаты.

Павел Ильич Лавут (1898–1979), организатор выступлений В. Маяковского, автор книги воспоминаний «Маяковский едет по Союзу»:

Суэта путешествий, «скачки с препятствиями» нравились Владимиру Владимировичу. Он любил и остро ощущал насыщенность дня.

В седьмом часу утра (январь – темно!) в Сызрани узнаю, что нас обгоняет ташкентский скорый. Маяковский, слыша мой разговор с проводником, просыпается.

Спрашиваю:

– Как быть? Не пересесть ли?

Маяковский, еще в полусне, бросает:

– О чем речь? Конечно. Разделение труда: вы бегите оформлять билеты, а я соберу вещи.

Лишь выйдя из вагона, я понял абсурдность затеи: ветер, мороз, гололед. На перроне ни души. Поезда стоят далеко друг от друга (метров 300), в разных концах перрона. Бегать невозможно, можно только семенить ногами. Носильщика не нашел.

Я возвращался из кассы, держа в руке билеты и сдачу, когда увидел Маяковского с носильщиком. Но тут, на радостях, должно быть, я поскользнулся, упал и выронил билеты. Быстро подобрав их, я кинулся догонять Маяковского. В эту минуту поезд тронулся, и я услышал крик:

– О-с-т-а-н-о-в-и-т-е!!!

И поезд... остановился.

В это трудно сейчас поверить.

Сознаюсь, что ни до, ни после этого я не ощущал такой силы голоса Маяковского.

Алексей Елисеевич Крученых:

Он сам как-то сказал:

– Моим голосом хорошо бы гвозди в стенку вколачивать!

У него был трубный голос трибуна и агитатора.

Характер

Лили Юрьевна Брик. *В записи Григория Израилевича Полякова:*

Смесь сильной задиристости и в то же время «нервной трусости»: влезал во все уличные скандалы.

Вадим Габриэлевич Шершеневич (1893–1942), *поэт, один из главных теоретиков имажинизма, переводчик, мемуарист. Член объединения «Гилея». Лидер московской группы футуристов «Мезонин поэзии». Член «Ордена имажинистов»:*

С первых дней своей поэтической деятельности он усвоил себе тон бретерства и напускного грубого нахальства. И, сделав этот тон своей маской, он сумел прожить так, что только хорошо знавшие его видели под этой маской неутомимого труженика с очень часто смущавшейся душой.

«Развязные люди всегда застенчивы», – писал Анатолий Франс. Это применимо к Маяковскому больше, чем к кому-либо.

Маяковский блестяще использовал свои внешние данные: басовый тембр голоса, крупный рост, широкие плечи, чтоб создать легенду о сильном, волевом человеке. Он сам нарисовал себе портрет, каким он, Маяковский, должен казаться миру.

И эта поза заменила ему скоро брошенную желтую кофту.

Василий Васильевич Каменский:

В <...> домашние часы, наблюдая за Володей-сыном, таким совсем иным, неузнаваемым, и в то же время зная Володю-поэта, Володю-бунтаря в желтой кофте, я много думал о том, что в Володе живут два Маяковских, два разных существа и при этом таких, которые меж собой находятся в состоянии борьбы.

Николай Корнеевич Чуковский (1904–1965), *писатель, мемуарист:*

Впоследствии я много раз слышал, будто бы Маяковский был человек грубый. Это глубочайшее заблуждение. В молодости он был человек в высшей степени застенчивый, постоянно преодолевавший свою внутреннюю робость. <...> Часто резкость того, что он говорил, зависела именно от этой насильственно преодоленной робости. К тому же от природы был он наделен прелестнейшим даром насмешливости и безошибочным чутьем на всякую пошлость. Никогда не бывал он резок с теми, кто был слабее его.

Виктор Андроникович Мануйлов (1903–1987), *литературовед, мемуарист:*

В нем самом, как и в его творчестве, равно сочетались лирическое и сатирическое начала.

Корнелий Люцианович Зелинский:

Джентльмен-задира, как его называли на одном диспуте. Хотя нередко Маяковский и грубил с публикой, но по своей природе он был необыкновенно благородным человеком и все человеческое воспринимал очень чутко.

Гуго Гупперт (Huppert) (1902–1982), *австрийский поэт и переводчик:*

Если меня спросят, какая черта всего сильней, всего выразительней определяла облик Маяковского, я безоговорочно буду утверждать: безраздельная цельность и чистота. Когда, вы пожимали его большую, сухую, но совсем не жесткую руку, когда его взгляд становился внимательным и зрачки чуть расширялись, когда после первых, как бы прощупывающих, интонаций он находил самые прямые слова, словно геометрически кратчайший подход

к собеседнику, – вокруг чувствовалась та свежесть и чистоплотность, та атмосфера искренности и доверия, в которой раскрываются сердца.

Лев Абрамович Кассиль. *В записи Григория Израилевича Полякова:*

Никогда не был похабен или циничен.

Николай Николаевич Асеев. *В записи Григория Израилевича Полякова:*

Необыкновенная естественность в обращении, огромная напористость и самоуверенность, входил в кабинет как хозяин.

Галина Дмитриевна Катанян:

Он был ревнив и очень нетерпелив. Если ему захотелось чего-нибудь, так вот сейчас, сию же минуту, вынь да положь, все силы пустит в ход, чтоб как можно скорее достичь желаемого.

Лили Юрьевна Брик. *В записи Григория Израилевича Полякова:*

Был очень настойчив и напорист в своих влечениях и желаниях, был при этом очень самоуверен, решителен и нестеснителен, вынуждая своей напористостью к исполнению своих желаний. Для достижения цели был способен к наскоку, штурму, но не к планомерным, длительно подготовленным маневрам («позиционной войне»).

Лев Абрамович Кассиль. *В записи Григория Израилевича Полякова:*

М. был не в состоянии волевыми усилиями заставить себя заниматься чем-либо, что его не интересует, или подавлять свои чувства (желание, хотение превалирует над долгом). М. всегда находится во власти своих чувств и влечений. Вследствие слабости и недостаточности сознательно-волевого контроля и задержки, проявления его эмоционально-аффективной сферы принимают несдержанный, необузданный характер. М. способен давать очень бурные проявления своих переживаний, например, плакать, рыдать. Помимо сильно выраженного полового влечения, две черты характера М., резко выявившиеся уже с его детских лет, особенно демонстративны в этом отношении: это его нетерпеливость и азартность. М. был настолько нетерпелив, что, по словам сестры Л<юдмилы> В<ладимировны>, не ел костистой рыбы (!). У него не хватало терпения, чтобы дочитать до конца какой-нибудь роман (Брик, Каменский).

Вадим Габриэлевич Шершеневич:

Эмоция в нем была всегда сильнее разума.

Лили Юрьевна Брик. *В записи Григория Израилевича Полякова:*

Очень большая непосредственность, примитивность, превалирование эмоционально-эффектных сторон личности над сознательно-волевыми; отсутствие условностей, «культуры», «цивилизации».

Вероника Витольдовна Полонская:

Помню, как в один из вечеров он провожал меня домой по Лубянской площади и вдруг, к удивлению прохожих, пустился на площади танцевать мазурку, один, такой большой и неуклюжий, а танцевал очень легко и комично в то же время.

Лили Юрьевна Брик. *В записи Григория Израилевича Полякова:*

Был склонен к импульсивным поступкам.

Галина Дмитриевна Катанян:

В нем было то мальчишество, которое так пленяет во взрослом мужчине.

Лили Юрьевна Брик. *В записи Григория Израилевича Полякова:*

Обладал очень богатым воображением и необузданной фантазией, была склонность все доводить до крайних предельных степеней, до гротеска. Любое обстоятельство могло разрастись до фантастических размеров, например какой-нибудь мелкий факт в быту и т. д. Был очень мнительный. Гиперболизм очень ярко сказывался в его действиях и поступках. Например, вместо букета дарил охапку букетов, вместо коробки конфет – 10 коробок и т. д.

Галина Дмитриевна Катанян:

В каком-то магазине мне понравились вышитые носовые платочки.

– Будьте так добры, – говорит Маяковский продавщице, – дайте сюда все носиковые платочки, какие есть в вашем магазине.

Гора коробок вырастает на прилавке.

Вероятно, я была бы обеспечена носовыми платками до конца своих дней, если бы не вспомнила, что дарить носовые платки плохая примета. Я отчаянно протестую и привожу этот довод.

– Мы поссоримся, – говорю я.

– А если вы мне дадите двадцать копеек?

– Против такой-то уймы платков?

Маяковский с видимым сожалением отказывается от возможности завалить меня «носиковыми» платочками.

Наталья Александровна Брюханенко:

26 августа были мои именины. С утра я получила от Маяковского такой огромный букет роз, что он смог поместиться только в ведро. Но это было не все. Когда мы вышли компанией на набережную, Маяковский стал заходить во все магазинчики и покупать мне одеколон самый дорогой и красивый, в больших витых флаконах. Когда у всех нас руки оказались уже заняты, я взмолилась – хватит! Подошли к киоску с цветами. Маяковский стал скупать и цветы. Я запротестовала – ведь уже целое ведро роз стоит у меня в номере!

– Один букет – это мелочь, – сказал Маяковский. – Мне хочется, чтоб вы вспоминали, как вам подарили не *один букет*, а *один киоск* роз и *весь* одеколон города Ялты!

И это было еще не все. Оказывается, накануне он заказал какому-то повару огромный именинный торт, и вечером были приглашены гости.

Татьяна Алексеевна Яковлева (*в первом замужестве дю Плесси, во втором Либерман; 1906–1991*), модельер женской одежды, художник-дизайнер. *Возлюбленная Маяковского в Париже в 1928–1929 гг.:*

Он был абсолютно щедрый.

Наталья Александровна Брюханенко:

К друзьям Маяковский был трогательно внимателен и заботлив.

Я жила тогда на Каляевской улице и как-то захворала. Он пришел навестить меня и привез огромную корзину апельсинов и десять плиток моего любимого шоколада. Не помню, как он назывался, помню только, что он был в ярко-красных обертках.

Когда Маяковский уезжал за границу, он и там не забывал никого из друзей, всем привозил подарки. Даже зубному врачу Ципкиной, у которой он лечил зубы, какие-то меди-

каменты. Мне он привез как-то теплый оранжевый джемпер и металлическое карманное зеркальце...

Юрий Карлович Олеша:

Он очень любовно, очень по-товарищески относился к тем, кто был с ним заодно в литературных взглядах, вкусах. Свирепо нападавший на противников, он был прямо-таки нежен с единомышленниками, участлив к ним, внимателен, как врач. Неожиданность такого превращения – из яростного гладиатора на трибуне в ласкового друга среди близких ему по духу людей – чрезвычайно украшала его образ.

Николай Николаевич Асеев:

Очень он был предан друзьям. Но настоящим друзьям, без лигатуры. Самый милый человек ему был тот, кто умел дружить без расчета, без оглядки. Он не раз говорил, что друг тот, кто ни в чем не изменит, далее в таких обстоятельствах, когда это не измена даже, а просто несогласие во взглядах. В дружбе не может быть несогласия. Даже тогда, когда один говорит то, что не нравится другому. Только чтобы не хвалить врагов. Враг чем талантливей, тем опасней. Но враг не может быть талантливей друга.

Виктор Андроникович Мануйлов:

Как и многие встречавшиеся с Маяковским, я знаю, что Владимир Владимирович был не только сильным, мужественным человеком, который не страшился никаких трудностей и не терялся ни в какой аудитории, но и добрым, ласковым, нежным к тем, кого любил, кому симпатизировал. Особенно внимательно относился к детям, и в его непосредственности и душевной чистоте было много детского.

Николай Корнеевич Чуковский:

С детьми он всегда был нежен и деликатен.

Елизавета Александровна Лавинская (1901–1950), художница, входила в ЛЕФ:

Он разговаривал с ребенком, как с равным, очень серьезно, внимательно выслушивал его, и в этом не было никакой нарочитости, «приспособляемости», он скорее походил не на дядю Володю, а на старшего товарища, хотя бы младшему было всего три года.

Иван Васильевич Грузинов:

В сердце Маяковского жила большая и трогательная любовь к людям.

Он не мог относиться равнодушно к бедным и обездоленным.

Особенно трогательным было его отношение к неимущим старухам и старикам.

Старость, да еще не обеспеченная, – с таким проклятым фактом Маяковский не мог примириться. Он не мог видеть старого человека, у которого нет каких-то несчастных копеек, чтобы купить кусок хлеба.

Как только у поэта появлялись деньги, он спешил раздать их нищим старухам и старикам.

Об этих чудесных поступках Маяковского знают очень немногие из тех людей, которые были близки с поэтом при его жизни: Маяковский тайно отыскивал бедных старух и стариков и помогал им.

Людмила Семеновна Татарийская (1907–?), машинистка Маяковского, сестра его соседки по коммунальной квартире в Лубянском проезде, д. 12 М. С. Татарийской:

Случалось, Владимир Владимирович узнавал, что у кого-либо из соседей по квартире произошла неприятность, слышал, что кто-нибудь плачет; он старался выяснить, в чем дело,

и успокоить человека или чем-нибудь помочь ему. В таких случаях лицо его становилось каким-то растерянным, растроганным.

Левкий Иванович Жевержеев (1881–1942), художник, искусствовед, председатель общества «Союз молодежи»:

Неизменный здоровый оптимизм Маяковского прекрасно действовал на всех окружающих. Я не помню случая, чтобы в его присутствии бывало скучно. Еще меньше можно было в его присутствии хандрить. Маяковский всегда чувствовал, если кому-либо из окружающих его в данный момент грустно или тяжело. Он с необычайным тактом умел когда шуткой, когда ловкой переменной темы разговора рассеять и развеселить. И всегда это делалось как бы само собой. Лишь через некоторое время осознавалось, что переменной настроения к лучшему ты обязан именно необычайной чуткости и находчивости этого глубокого знатока человеческой души. И при всем том никогда не приходила в голову мысль, что Маяковский «шутник», несмотря на то, что он любил веселую, жизнерадостную шутку.

Вероника Витольдовна Полонская:

Владимир Владимирович с большой чуткостью и вниманием относился к каждому человеку. <...> Он любил людей и был к ним внимателен, его интересовало все в человеке. Владимир Владимирович с настоящим, хорошим любопытством говорил, глядел, общался с людьми.

Николай Николаевич Асеев. В записи Григория Израилевича Полякова:

Обращался с незнакомыми, как будто был со всеми знаком (нестеснительность).

Лили Юрьевна Брик. В записи Григория Израилевича Полякова:

Не мог входить в гармонический, тесный, цельный контакт с людьми, несмотря на то что чувствовал большую потребность в том и сильное влечение к людям; болезненно ощущал свою неспособность входить в такой контакт с ними. В его выступлениях или при появлении в новом обществе перед незнакомыми людьми была некоторая театрализация, «ломание», было стремление поразить собой людей. Не мог знакомиться с людьми просто. Поддавался влиянию некоторых наиболее близких ему по духу людей, однако если это влияние шло вразрез с его внутренними влечениями и интересами, то оно продолжалось недолго и последние одерживали верх, так как сознательная воля была слабо развита и не в состоянии была эти влечения подавлять и обуздывать.

Лев Абрамович Кассиль. В записи Григория Израилевича Полякова:

Была «сумасшедшая, дикая впечатлительность», был чрезвычайно чувствителен «к спичке», был очень чувствителен к похвале, мог при этом смутиться. <...> Все окончания нервов были как бы «выведены наружу». Чрезвычайно сильно затрагивал любой мелкий факт и сейчас же действовал очень сильно на его настроение соответственным образом. <...> Очень живо переносил общественное в личное.

Корнелий Люцианович Зелинский:

Я никогда не видел Маяковского плачущим или вконец расстроившимся. Но две женщины, которых он знал, рассказывали мне, что они видели, как он рыдал. Горький (в своих воспоминаниях о том, как Маяковский читал «Облако в штанах») тоже пишет: «разрыдался». А без этого нельзя понять Маяковского. Нельзя понять его сдержанности, его уважения к людям, не позволявшим ему распускаться. Но Маяковский мог и оглушить басом аудиторию и разрыдаться.

Его эмоциональный диапазон был громаден. И вряд ли кто мог понять этот диапазон. «Хотите – буду от мяса бешеный, – и, как небо, меняя тона – хотите – буду безукоризненно нежный, не мужчина, а – облако в штанах».

Вероника Витольдовна Полонская:

Вообще у него всегда были крайности. Я не помню Маяковского ровным, спокойным: или он искрящийся, шумный, веселый, удивительно обаятельный, все время повторяющий отдельные строки стихов, поющих эти стихи на сочиненные им же своеобразные мотивы, – или мрачный и тогда молчащий подряд несколько часов. Раздражается по самым пустым поводам. Сразу делается трудным и злым.

Эльза Триоле:

Мне бывало с ним трудно. Трудно каждый вечер где-нибудь сидеть и выдерживать всю тяжесть молчания или такого разговора, что уж лучше бы молчал! А когда мы встречались с людьми, то это бывало еще мучительней, чем вдвоем. Маяковский вдруг начинал демонстративно, так сказать – шумно молчать. Или же неожиданно посылал взрослого почтенного человека за папиросами, и удивительнее всего было то, что человек обычно за папиросами шел! Почему-то запомнился один вечер, в танцульке, на втором этаже кафе «Ротонда». За нашим столиком было много народа <...>. Володя сидел мрачный, отодвинув стул, а ведь он любил ходить по танцулькам, хотя сам и не танцевал. Я же была молода и танцевать любила. В тот вечер, когда я вернулась к столику после танца, Володя как бы невзначай смахнул на пол мою перчатку. Я ему сказала: «Володя, подними...» Он смахнул и вторую на грязный, заплыванный пол. Не помня себя, я вскочила, выбежала из зала, вниз по лестнице, на улицу. Кто-то бежал за мной, пытался меня догнать, вернуть. Ни за что! С Володей мы встретились на следующий день, оба хмурые, но об инциденте не заговаривали. А когда мы опять попали в дансинг, я назло ему пошла танцевать с профессиональным танцором, приставленным к учреждению. Танцору за это следовало заплатить, и Володя, миролюбиво отпустивший меня с ним, только недоуменно спросил, как же это сделать, как ему заплатить?.. «Дай, и все!» И Володя действительно протянул танцору руку с зажатыми в кулак деньгами и потом успокоенно сказал: «Ничего, выскреб...»

Рассказываю об этих незначительных случаях оттого, что характерна именно их незначительность, способность Маяковского в тяжелом настроении натягивать свои и чужие нервы до крайнего предела. Его напористость, энергия, сила, с которой он настаивал на своем, замечательные, когда дело шло о большом и важном, в обыкновенной жизни были невыносимы. Маяковский не был ни самодуром, ни скандалистом из-за пересоленного супа, он был в общечеловеческом необычайно деликатным, вежливым и ласковым, – и его требовательность к близким носила совсем другой характер: ему необходимо было властвовать над их сердцем и душой. У него было в превосходной степени то, что французы называют *le sense de l'absolu* – потребность абсолютного, максимального чувства и в дружбе, и в любви, чувства, никогда не ослабевающего, апогейного, бескомпромиссного, без сучка и задоринки, без уступок, без скидки на что бы то ни было...

Осип Максимович Брик (1888–1945), литератор, издатель, теоретик и один из организаторов группы ЛЕФ. Муж Л. Ю. Брик. Друг В. Маяковского:

Маяковский понимал любовь так: если ты меня любишь, значит, ты мой, со мной, за меня, всегда, везде и при всяких обстоятельствах. Не может быть такого положения, что ты был бы против меня – как бы я ни был неправ, или несправедлив, или жесток. Ты всегда голосуешь за меня. Малейшее отклонение, малейшее колебание – уже измена. Любовь должна быть неизменна, как закон природы, не знающий исключений. Не может быть, чтобы

я ждал солнца, а оно не взойдет. Не может быть, чтобы я наклонился к цветку, а он убежит. Не может быть, чтобы я обнял березу, а она скажет «не надо». По Маяковскому, любовь не акт волевой, а состояние организма, как тяжесть, как тяготение.

Были ли женщины, которые его так любили? Были. Любил ли он их? Нет! Он их принимал к сведению. Любил ли он сам так? Да, но он был гениален. Его гениальность была сильнее любой силы тяготения. Когда он читал стихи, земля приподымалась, чтобы лучше слышать. Конечно, если бы нашлась планета, неуязвимая для стихов... но такой не оказалось! <...> Маяковский был одинок не оттого, что он был не любим, не признан, что у него не было друга. Его печатали, читали, слушали так, что залы ломились. Не счесть людей, преданных ему, любивших его. Но все это капля в море для человека, у которого «ненастный вор в душе», которому нужно, чтобы читали те, кто не читает, чтобы пришел тот, кто не пришел, чтобы любила та, которая, казалось ему, не любит.

Лили Юрьевна Брик. *В записи Григория Израилевича Полякова:*

Был очень чувствителен к малейшей обиде, фальши, лицемерию и проявлениям других чувств к нему со стороны окружающих. Была как бы обнаженность чувств и впечатлений.

Виктор Андроникович Мануйлов:

Был очень раним, но сдержан и никогда не показывал своей боли.

Николай Николаевич Асеев. *В записи Григория Израилевича Полякова:*

Мог быть внешне совершенно спокоен при бурности переживаний внутри себя.

Лили Юрьевна Брик:

Маяковский знал себе как поэту цену, но все-таки всегда в нем оставалась неуверенность. Он как никто нуждался в поощрении, похвале, признании и напряженно и подозрительно всматривался в слушателя, когда читал новые стихи.

Он был счастлив, когда я говорила, что ничего в искусстве не может быть лучше, что это гениально, бессмертно и что такого поэта мир не знал.

Лиля Герреро (*Лиля Андреева; 1906–1986*), *аргентинская поэтесса российского происхождения, переводчица поэзии В. Маяковского на испанский язык:*

Его взгляд, как мне показалось, загорался, когда он чувствовал тепло восхищения или любви, но потухал, когда его не поддерживал этот огонь, в котором он так нуждался.

Лев Абрамович Кассиль:

В киосках продают журнал. В нем ругательные статьи, карикатура: большеротый верзила, нахально прущий поперек литературы, Маяковский комкает журнал, запихивает его на ходу в карман просторного пальто. Потом останавливается на бульваре, опирается сзади на трость, скрестив ноги; вынимает журнал, читает брезгливо:

– Хамская статья! Опять надо объяснять все сначала. Ни черта не поняли!

Разом помрачневший, судорожно зажав уголком рта потухшую папиросу, волочит он по бульвару тяжелую обиду.

Не многие знают, как мало надо, чтобы обидеть его. «Что может хотеться такой глыбе? А глыбе многое хочется».

Только друзья знают, сколько ласки и тепла в этом большом человеке, который скрывает за сверкающими доспехами остроумия очень легко ранимое сердце и мрачнеет от каждого примеченного им свинства, а от похвалы и внимания мякнет, конфузится.

Виктор Андроникович Мануйлов:

Он был организован, точен, пунктуален не только в работе, но и в повседневном быту, требователен к себе и к другим, влиятельным и невлиятельным лицам.

Рита Райт (*Раиса Яковлевна Райт-Ковалева; 1898–1989*), литератор, переводчик; писала тексты для «Окон РОСТА», перевела на немецкий язык пьесу Маяковского «Мистерия-буфф»:

Я не знала человека более точного, более верного своему слову, назначенному часу, назначенному делу, чем Маяковский. Не было случая, чтобы он «подвел», опоздал, не пришел. И ведь никто не регламентировал его время, его работу.

Вероника Витольдовна Полонская:

Был он очень аккуратен. Вещи находились всегда в порядке, у каждого предмета – определенное, свое место. И убирал он все с какой-то даже педантичностью, злился, если что-нибудь было не в порядке.

Валентин Петрович Катаев:

Он вошел в комнату, уже еле-еле тронутую приближающимися сумерками, поставил палку в угол, а шляпу повесил на пуговку самой верхней полки шведского книжного шкафа, предварительно попробовав пальцами, крепко ли она держится <...>

С некоторым беспокойством следил я за всеми его передвижениями, так как обычно, входя в мою комнату, он учинял небольшой шуточный дебош, безвредный, но пугающий своей стремительностью. Одним движением смахивал он с письменного стола рукописи, засовывал под диван книги, ставил на подоконник, за портьеры, как за кулисы, письменные принадлежности, бутылочки с чернилами, коробку канцелярских скрепок.

– Запомните, – приговаривал он ворчливо, – у писателя на столе должно быть абсолютно пусто. Шурум-бурум к черту! Это отвлекает.

В особенности его раздражал небольшой матово-серебряный юбилейный прибор в стиле модерн, доставшийся мне в наследство от моего полтавского дяди, известного в свое время земского деятеля. Я держал прибор исключительно из уважения к памяти дяди.

С непостижимым проворством фокусника Маяковский рассовывал все составные части этого юбилейного прибора – подсвечники без свечей, ножик для разрезания, пресси-папье без промокашки, две пустые чернильницы с серебряными колокольчиками крышечек, спичечницу – с глаз долой, куда попало: в книжный шкаф, под кресла, даже в устье голландской печки, если дело было летом.

Совершая все эти забавные безобразия, он рычал из Хлебникова: «И тополь земец, и вечер темец, и моря речи, и ты – далече».

Этим он как бы отдавал долг вежливости моему дяде, который был земец.

Сергей Дмитриевич Спасский (1898–1956), поэт, мемуарист:

Он был весь переполнен движением. Веселая жизненная сила переливалась в его высоком и тонком теле. Угловатые жесты были выразительны и рельефны. Он не примерялся к собеседникам и к обстановке, оставаясь самим собой до конца.

Вадим Габриэлович Шершеневич:

Азарт ему был необходим во всем. И в работе, и в жизни.

Вероника Витольдовна Полонская:

Маяковский со страшным азартом мог, как ребенок, увлекаться самыми неожиданными пустяками.

Например, я помню, как он увлекался отклеиванием этикеток от винных бутылок. Когда этикетки плохо слезали, он злился, а потом нашел способ смачивать их водой, и они слезали легко, без следа. Этому он радовался, как мальчишка. <...>

У Владимира Владимировича были часы, и он хвастался, что стекло на них небьющееся. А в Сочи я увидела, что стекло разбито. Спросила, каким образом это произошло. Владимир Владимирович сказал, что поспорил с одной знакомой. Она тоже говорила, что у нее стекло на часах не бьется. Вот они и шваркали своими часами стекло о стекло. И вот у нее стекло уцелело, и Владимир Владимирович очень расстроен, что на его часах треснуло.

Лили Юрьевна Брик. *В записи Григория Израилевича Полякова:*

Был очень подвижен, особенно любит ходить. Не мог продолжительное время сидеть спокойно, «ерзал» на стуле, часто вскакивал.

Николай Семенович Тихонов (1896–1979), поэт:

Он не любил сидеть на месте. Он был великий странник, он все время кочевал по стране, он признавался даже, что «бредет километрами» в поезде, переносясь из конца в конец по большой нашей родине, или пересекая Европу, или переплывая моря и океаны.

Эти поездки и путешествия, массы новых людей, приветствовавших его, смена пейзажей, особенно городских, – он был любитель города, – постоянные новые встречи, тысячи записок и посещений – все это радовало его, все являлось новым стимулом для новых стихов...

Лев Вениаминович Никулин:

Он не был ни ласковым теленком, ни кокеткой-фрондером, и ни в коем случае бездуш- ной схемой, конструкцией, плакатом, вроде фанерного человека в кепке. Такой запас сил был у Маяковского, такая непотухающая энергия, что ее хватало на нечеловеческую работу, на литературные споры и драки, и оставалось еще столько, что некуда было девать этот неисчерпаемый темперамент, и тогда мотор продолжал работать на холостом ходу, за кар- точным и бильярдным столом и даже у стола монахской рулетки. Ханжи фыркали, негодо- вали, упрекали, не понимая, что это была не игрецкая страсть, не корысть, а просто необхо- димость израсходовать избыток энергии.

Валентин Петрович Катаев:

В сущности, он был человеком из другой страны, южанин. Приезжий. И до сих пор никак не мог акклиматизироваться. Заморский страус. Во всяком случае, именно так назвал он себя в стихотворении «России».

Лили Юрьевна Брик:

Часто думают, что в поведении Маяковского было много «игры». Это неверно. Он без всякой игры был необычен.

Творчество

Давид Давидович Бурлюк:

Его биографам не надо будет ждать его автобиографии: Маяковский писал себя и окружающее, – он брал жизнь, – но наводил на нее такие магические стекла, что испепелялись «будни с их шелухой», в простейшем он умел найти грани вечного алмаза искусства.

Надо указать, что Маяковский в своей поэзии ничего не выдумывал. Его стихи – лог его жизни. Судовой журнал. События, факты, однако, записаны нестираемыми знаками. Отшлифовано. Найдена окончательная форма выражения. Не переделать, не забыть, не отбросить. Все в его стихах списано с природы.

Василий Абгарович Катанян:

Творческая реакция Маяковского была всегда очень быстрой и непосредственной. Стихов-воспоминаний у него почти нет. Поэтому очень легко датировать его стихи по фактам, о которых в них говорится, и такая датировка никогда не оказывалась грубо неточной.

Лили Юрьевна Брик:

Темой его стихов почти всегда были собственные ощущения. Это относится и к «Нигде кроме как в Моссельпроме». Он не только других агитировал, но и сам не покупал у частников.

Давид Давидович Бурлюк:

Первые свои стихи Владимир Маяковский составлял исключительно для декламации, для чтения с эстрады, для рева в курилке в Училище живописи, ваяния и зодчества. В этих многочисленных стихах (чеканных и острых) женщины изображены декоративно. Владимир Маяковский стеснялся на эстраде быть «бесстыдным» перед незнакомыми ему людьми. Его интересовали городские натюрморты. Железные вывески с «копчеными сигами», «трубы», по которым водопадами струится сырость. Весь первый период стихотворчества прошел на бульварах, на улицах. У поэта не было бумаги, не было чернил. У него была безмерная память и сквозь дым папирос вырывались первые огненные языки, куски его будущих потрясающих поэм.

Владимир Владимирович Маяковский. Из книги «Как делать стихи», 1926 г.:

Говорю честно. Я не знаю ни ямбов, ни хореев, никогда не различал их и различать не буду. Не потому, что это трудное дело, а потому, что мне в моей поэтической работе никогда с этими штуками не приходилось иметь дело. А если отрывки таковых метров и встречались, то это просто записанное по слуху, так как эти надоевшие мотивы чересчур часто встречаются – вроде: «Вниз по матушке по Волге».

Я много раз брался за это изучение, понимал эту механику, а потом забывал опять. Эти вещи, занимающие в поэтических учебниках 90 %, в практической работе моей не встречаются и в трех.

Лев Федорович Жегин:

В Школе живописи можно было видеть, как Маяковский «выколачивает» ритмы своих кованых строк. Забравшись в какой-нибудь отдаленный угол мастерской, Маяковский, сидя на табуретке и обняв обеими руками голову, раскачивался вперед и назад, что-то бормоча себе под нос. Точно так же (по крайней мере в ту пору), путем бесконечных повторений и изменений создавал Маяковский и свои графические образы.

Сергей Сергеевич Медведев (1891–1970), товарищ В. Маяковского в его гимназические годы в Москве, впоследствии действительный член Академии наук СССР (1958), химик:

Усиленно обсуждался, помню, такой вопрос: чтобы создать что-нибудь в искусстве, нужен ли только талант или талант плюс работа? Нередкая в таких юношеских спорах переоценка значения таланта была Володе абсолютно не свойственна. Он считал, что решающим, определяющим условием развития художника является упорный труд и систематическая работа над собой.

Владимир Владимирович Маяковский:

Поэзия
та же добыча радия.
В грамм добыча –
в год труды.
Изводишь
единого слова ради
тысячи тонн
словесной руды.

Лили Юрьевна Брик. В записи Григория Израилевича Полякова:

Творил всегда на память, записывал обычно уже готовое произведение, причем предварительно чрезвычайно тщательно отделывал и отшлифовывал его в уме (например, мог до 50 раз подбирать различные варианты рифмы).

Владимир Владимирович Маяковский. Со слов Э. Джонс:

Знаешь, когда я закончу, отполирую, напишу две строчки за день, – значит, я хорошо в этот день поработал.

Василий Васильевич Каменский:

Работать он мог в любой обстановке: у Бурлюка, в гостях, в театре, на улице.

Лили Юрьевна Брик. В записи Григория Израилевича Полякова:

Писать не любил, писал мало и, скорее, медленно. По сравнению с устной письменная речь отступала на задний план. Так же как и остальные движения, письмо было отрывистое, лаконичное.

Василий Васильевич Каменский:

(Маяковский – Сост.), собственно, не писал, как обыкновенно пишут за письменным столом (у него и стола не было), а работал своим оригинальным способом.

Метод его работы заключался в том, что задуманную тему он разрабатывал до точности в голове и строил строки мысленно почти вслух, воображая себя читающим, исполняющим.

При этом он не нуждался в уединении, а, напротив – непременно работал при нас и новые сделанные строки сейчас же переводил на голос, как бы проверяя их значимость.

И даже справлялся:

– Интересно?

И получал неизменный ответ:

– Гениально!

В кафэ: шум, люди, музыка, а Маяковский глядит поверху всего и делает свою работу, иногда цитируя отдельные новые строки.

Софья Сергеевна Шамардина:

Вот он ходит из угла в угол и уже не старые свои строчки читает, а наговаривает в своих, таких особенных интонациях – новое. И уже не голос свой слушает, а смысл и строй стиха.

Вот сказал так – прошел по комнате, повторил. Вот переставил слово. Вот заменил другим. И долго выхаживает каждую строчку. <...> Вдруг остановится, спросит: «Нравится?»

Людмила Семеновна Татарийская:

Если Владимир Владимирович продумывал и сочинял свои произведения, он открывал дверь из комнаты в переднюю, из передней в коридор и шагал туда и обратно.

А когда ему нужно было свои мысли и слова переносить на бумагу, он подходил к бюро, становился одной ногой на стул и записывал.

Александр Михайлович Родченко (1891–1956), художник, график, фотограф, входил в группу ЛЕФ, работал вместе с В. Маяковским:

Обдумывая строку, он ходил по комнате, бубня про себя фразы и отбивая такт рукой. Потом быстро записывал на клочках бумаги сложившийся текст.

Иван Васильевич Грузинов:

Маяковский – весь в движении. И стихи свои он любил слагать, находясь в движении – особенно под ритмические взмахи своих шагов, бесчисленное множество раз пересекая площади и меряя улицы городов. <...>

Почти каждый раз, когда я встречал его, я слышал: он басом бормочет стихи. Ясно: он на ходу слагал свои новые стихи или исправлял старые.

Каждый раз, когда я видел Маяковского сочиняющим на ходу стихи, я старался сделать вид, что не замечаю его работы. Но обмануть Маяковского было невозможно. Он смущался. Как будто его застигли на месте преступления.

Однажды я встретил Маяковского на отдаленной улице Москвы, встретил в необычный час. Это было ранним осенним утром. По всей вероятности, это было в 1920 году.

Он шел, размахивая огромным пустым мешком, и слагал вслух стихи.

Пройдя несколько шагов, я оглянулся.

Гигант продолжал ритмически размахивать огромным мешком. Развевающийся в воздухе мешок казался парусом, трепещущим на ветру.

Из репортажа газеты «Фрайгайт» (Нью-Йорк):

Мы так увлеклись разговором, что совершенно не заметили как дошли до Сен-трал-парка. Уселись на скамье в аллее, выходящей прямо на Пятую авеню. Сумерки. Какой-то сумасшедший водоворот автомобилей, автобусов, трамваев, все более увеличивающихся масс людей. Нет ему ни конца, ни начала. Все стучит и гремит, звенит и грохочет. Маяковский весь погружен в себя. Я вижу, как подействовал на него своеобразный говор улицы. Он словно впитывает в себя все эти звуки. Вот он вынул из кармана свой блокнот в черной кожаной обложке и что-то быстро-быстро вписывает в него, как бы в такт окружающего шума. Его фигура постепенно начинает привлекать всеобщее внимание. Кой-кто удивленно оглядывается на него. Сам он, однако, не замечает никого, даже меня, сидящего рядом с ним.

Вдруг Маяковский поднялся и отрывисто бросил:

– Пошли!

Когда мы вернулись к нему в комнату, Маяковский сказал:

– Уловил темп Нью-Йорка, глухой темп, приглушенный... Это будет новое стихотворение: «Маяковский на Пятой авеню».

Владимир Владимирович Маяковский. Из книги «Как делать стихи», 1926 г.:

Я хожу, размахивая руками и мыча еще почти без слов, то укорачивая шаг, чтоб не мешать мычанию, то помычиваю быстрее в такт шагам.

Так обстругивается и оформляется ритм – основа всякой поэтической вещи, проходящая через нее гулом. Постепенно из этого гула начинаешь вытаскивать отдельные слова.

Некоторые слова просто отскакивают и не возвращаются никогда, другие задерживаются, переворачиваются и выворачиваются по несколько десятков раз, пока не чувствуешь, что слово стало на место (это чувство, развиваемое вместе с опытом, и называется талантом). Первым чаще всего выявляется главное слово – главное слово, характеризующее смысл стиха, или слово, подлежащее рифмовке. Остальные слова приходят и вставляются в зависимости от главного. Когда уже основное готово, вдруг выступает ощущение, что ритм рвется – не хватает какого-то слога, звучика. Начинаешь снова перекраивать все слова, и работа доводит до иступления. Как будто сто раз примеряется на зуб не сающаяся коронка, и наконец, после сотни примерок, ее нажали, и она села. Сходство для меня усугубляется еще и тем, что когда, наконец, эта коронка «села», у меня аж слезы из глаз (буквально) от боли и от облегчения.

Откуда приходит этот основной гул-ритм – неизвестно. Для меня это всякое повторение во мне звука, шума, покачивания или даже вообще повторение каждого явления, которое я выделяю звуком. Ритм может принести и шум повторяющегося моря, и прислуга, которая ежеутренне хлопает дверью и, повторяясь, плетется, шлепая в моем сознании, и даже вращение земли, которое у меня, как в магазине наглядных пособий, карикатурно чередуется и связывается обязательно с посвистыванием раздуваемого ветра.

Старание организовать движение, организовать звуки вокруг себя, находя ихний характер, ихние особенности, это одна из главных постоянных поэтических работ – ритмические заготовки. Я не знаю, существует ли ритм вне меня или только во мне, скорей всего – во мне. Но для его пробуждения должен быть толчок, – так от неизвестно какого скрипа начинает гудеть в брюхе у рояля, так, грозя обвалиться, раскачивается мост от одновременного муравьиного шага.

Ритм – это основная сила, основная энергия стиха. Объяснить его нельзя, про него можно сказать только так, как говорится про магнетизм или электричество. Магнетизм и электричество – это виды энергии. Ритм может быть один во многих стихах, даже во всей работе поэта, и это не делает работу однообразной, так как ритм может быть до того сложен и трудно оформляем, что до него не доберешься и несколькими большими поэмами.

Поэт должен развивать в себе именно это чувство ритма и не заучивать чужие размеры; ямб, хорей, даже канонизированный свободный стих – это ритм, приспособленный для какого-нибудь конкретного случая и именно только для этого конкретного случая годящийся. Так, например, магнитная энергия, отпущенная на подковку, будет притягивать стальные перышки, и ни к какому другому делу ее не приспособишь.

Из размеров я не знаю ни одного. Я просто убежден для себя, что для героических или величественных передач надо брать длинные размеры с большим количеством слогов, а для веселых – короткие. Почему-то с детства (лет с девяти) вся первая группа ассоциируется у меня с

Вы жертвою пали в борьбе роковой... –

а вторая – с

Отречемся от старого мира...

Курьезно. Но, честное слово, это так.

Размер получается у меня в результате покрытия этого ритмического гула словами, словами, выдвигаемыми целевой установкой (все время спрашиваешь себя: а то ли это слово? А кому я его буду читать? А так ли оно поймется? И т. д.), словами, контролируруемыми высшим тактом, способностями, талантом.

Александра Алексеевна Маяковская:

Однажды он сказал мне:

– На столе у меня на клочках бумаги и на папиросных коробках записаны слова и строчки стихов, которые мне нужны, – не убирайте и не выбрасывайте их.

Владимир Владимирович Маяковский. Из выступлений, 1929 г.:

Я хожу по улицам и собираю всякую словесную дрянь, авось через семь лет пригодится! Эту работу по заготовке сырья надо проделывать постоянно, по принципу восьмичасового рабочего дня, а не в минуты отдыха.

Петр Васильевич Незнамов:

Однажды, играя в городки в Пушкино, он успел сделать запись даже между двумя ударами палкой. Пиджак его остался в комнате, блокнота с ним не было, и он нацарапал эту заготовку углем на папиросной коробке.

Владимир Владимирович Маяковский. Из книги «Как делать стихи», 1926 г.:

Хорошую поэтическую вещь можно сделать к сроку, только имея большой запас предварительных поэтических заготовок. <...>

Все эти заготовки сложены в голове, особенно трудные – записаны.

Способ грядущего их применения мне неведом, но я знаю, что применено будет все.

На эти заготовки у меня уходит все мое время. Я трачу на них от 10 до 18 часов в сутки и почти всегда что-нибудь бормочу. Сосредоточением на этом объясняется пресловутая поэтическая рассеянность.

Работа над этими заготовками проходит у меня с таким напряжением, что я в девяноста из ста случаев знаю даже место, где на протяжении моей пятнадцатилетней работы пришли и получили окончательное оформление те или иные рифмы, аллитерации, образы и т. д. <...>

Эта «записная книжка» – одно из главных условий для делания *настоящей* вещи.

Об этой книжке пишут обычно только после писательской смерти, она годами валяется в мусоре, она печатается посмертно и после «законченных вещей», но для писателя эта книга – все.

Только присутствие тщательно обдуманных заготовок дает мне возможность поспевать с вещью, так как норма моей выработки при настоящей работе это – 8–10 строк в день.

Поэт каждую встречу, каждую вывеску, каждое событие при всех условиях расценивает только как материал для словесного оформления.

Раньше я так влезал в эту работу, что даже боялся высказывать слова и выражения, казавшиеся мне нужными для будущих стихов, – становился мрачным, скучным и неразговорчивым.

Году в тринадцатом, возвращаясь из Саратова в Москву, я, в целях доказательства какой-то вагонной спутнице своей полной лояльности, сказал ей, что я «не мужчина, а облако в штанах». Сказав, я сейчас же сообразил, что это может пригодиться для стиха, а вдруг это разойдется изустно и будет разбазарено зря? Страшно обеспокоенный, я с полчаса допра-

шивал девушку наводящими вопросами и успокоился, только убедившись, что мои слова уже вылетели у нее из следующего уха.

Через два года «облако в штанах» понадобилось мне для названия целой поэмы. <...>

Улавливаемая, но еще не уловленная за хвост рифма отравляет существование: разговариваешь, не понимая, ешь, не разбирая, и не будешь спать, почти видя летающую перед глазами рифму.

Юрий Карлович Олеша:

Я как-то предложил Маяковскому купить у меня рифму.

– Пожалуйста, – сказал он с серьезной деловитостью. – Какую?

– Медикамент и медяками.

– Рубль.

– Почему же так мало? – удивился я.

– Потому что говорится «медикамент», с ударением на последнем слоге.

– Тогда зачем вы вообще покупаете?

– На всякий случай.

Николай Николаевич Асеев:

– Асейчиков! Продайте мне строчку!

– Ну, вот еще, торговлю затеяли!

– Ну, подарите, если забогатели; мне очень нужна!

– Какая же строчка?

– А вот у вас там в беспризорном стихе: «от этой грязи избавишься разве».

– А куда вам ее?

– Да я еще не знаю, но очень куда-то нужна!

– Ладно, берите, пользуйтесь.

Строчка, чуть варьированная, вошла в одно из стихотворений об Америке, гораздо позже написанных.

Лев Осипович Равич:

Помню, как он очень ясно говорил о том, что, читая, надо всматриваться в отдельные слова, сортировать и запоминать их.

Алексей Елисеевич Крученых:

У него есть такие странные слова, что мы даже не знаем, откуда они. Например, у него в одном журнале («Бой» или «Крысодав», не помню) были к рисункам четверостишия. Вся страница была его, и они были даже без подписи. Там есть такая строка: «Успокойтесь жизнь малина лампопо». Что такое «лампопо»? Есть «Лимпопо» у Чуковского, это река в Африке, а «лампопо», оказывается, есть в словаре Даля. Я как-то разговаривал с Л. А. Кассилем. Он сказал, что написал вещь, где одна лисица говорила, что растерзала дичь «по-по-лам, по-по-лам, лам-по-по, лам-по-по». «Я думал, – сказал Кассиль, – что это я сочинил, а оказывается, это есть у Маяковского и в словаре Даля...» У Даля сказано, что это перестановка слова по-по-лам, лам-по-по. При игре в карты оно означает, что взятки взяли пополам, или оно означает легкий напиток: пополам лимонад и еще какая-нибудь вода. «Из малины – лампопо». С Маяковским осторожно надо быть. У него можно встретить такое слово, что на первый взгляд оно покажется диким, а оказывается, он взял это слово у какого-нибудь писателя или из словаря.

Давид Давидович Бурлюк:

Любил разговаривать, расспрашивать. Позже, много позже, у него стали появляться и записные книжечки; туда Владимир Владимирович заносил карандашиком или же «фаунтен-пенном» рождавшееся в нем. Любил задавать вопросы «ученым» людям.

Лев Абрамович Кассиль. *В записи Григория Израилевича Полякова:*

Носил с собой две-три записные книжки.

Лили Юрьевна Брик. *В записи Григория Израилевича Полякова:*

Писал с орфографическими ошибками, что зависело от того, что мало учился в средней школе, мало читал, часто писал фонетически, например, рифма «узнаф» вместо «узнав» к слову «жираф».

Владимир Владимирович Тренин (1904–1941), *сотрудничал как критик с журналом «Новый ЛЕФ», литературовед, знакомый В. Маяковского:*

В заготовках и черновиках Маяковского можно найти множество таких записей рифм: нево – Невой; плеска – желеска; как те – кагтей; самак – дама; аппарат – пара. И т. д. и т. д.

Подобного рода записи мне не приходилось встречать ни у одного поэта, кроме Маяковского.

Характерная их особенность в том, что Маяковский решительно отбрасывает традиционную орфографическую форму слова и пытается зафиксировать его приблизительно так, как оно произносится (то есть создает некое подобие научной фонетической транскрипции).

Лили Юрьевна Брик:

Маяковский любил играть и жонглировать словами, он подбрасывал их, и буквы и слоги возвращались к нему в самых разнообразных сочетаниях:

Зигзаги
Загзиги.
Кипарисы
рикаписы
сикарипы
писарики
Лозунги
Лозгуны, –

без конца...

Петр Васильевич Незнамов:

Все его бутады, шуточные зарифмовывания, игра словом, как мячиком, перестановка слогов были не чем иным, как ежедневной поэтической деятельностью. Его слово было его делом. Поэзия была делом его жизни, и он, в сущности, всегда пребывал в состоянии рабочей готовности и внутренней мобилизации. <...>

Когда он слышал слово «боржом», он начинал его спрягать:

– Мы боржом, вы боржете, они оборжут.

Или вдруг начинал «стукать лбами» стоящие по своей звуковой основе рядом прилагательные:

– Восточный – водосточный – водочный.

Он брал слово в раскаленном докрасна состоянии и, не дав ему застыть, тут же делал из него поэтическую заготовку. Он всегда в этой области что-нибудь планировал, накапливал, распределял. Для постороннего все это казалось, может быть, и ненужным, но человек,

понимающий, что к чему, сближал эту его работу с ежедневными упражнениями пианиста в своем ремесле.

Сергей Дмитриевич Спасский:

Слова, проходившие над столом, будили в нем особые представления.

– Надо послать заказной бандеролью, – по какому-то поводу сказал Брик.

Маяковский вцепился в слово и медленно разжевывал его:

– Бандероль, – бормотал он, повторяя за слогом слог. – Артистов банде дали роль. Дали банде роль, – гудел его голос, ни к кому не обращаясь, извлекая из попавшихся по дороге созвучий новые возможные содержания.

Ольга Константиновна Матюшина (1885–1975), вторая жена художника М. В. Матюшина:

Я молча допечатала Хлебникова и обернулась к Маяковскому.

– Не дуйтесь! – весело сказал он, подавая листки. Я начала печатать, перекидываясь с ним вопросами и замечаниями.

– Готово! – сказала я, вытаскивая страницу и проглядывая ее. – Ой! Что я написала!

– Что?

– Я сейчас сотру. Написала – мужчина.

– Как?

– Мужчина.

– Не стирайте! Не стирайте! Это очень интересно! Муз-чина... И он, забрав рукопись, побежал в типографию.

Юрий Карлович Олеша:

Это был король метафор. Однажды играли на бильярде – Маяковский и поэт Иосиф Уткин, которого тоже нет в живых. При ударе одного из них что-то случилось с шарами, в результате чего они, загремев, подскочили...

– Кони фортуны, – сказал я.

– Слепые кони фортуны, – поправил Маяковский, легши на кий.

Левкий Иванович Жевержеев:

С течением времени я привык к тому, что очень часто и во время бесед, и во время споров (а спорил Маяковский всегда с большой страстью), и во время «свободных часов» он вдруг соскакивал с места, шел к письменному столу и что-то записывал. Работа над стихом, по-видимому, не оставляла его ни на минуту. Что бы он ни делал, а поэтическое творчество являлось для него постоянным.

Василий Абгарович Катанян:

Люди, близко знавшие Маяковского, помнят, как часто за разговором или на прогулке глаза его вдруг переставали замечать окружающее, он задумчиво шевелил губами, и короткие движения сжатой руки как бы подчеркивали ритм складывающихся строк. Или, бывало, за игрой он вдруг протягивал руку к пиджаку, висящему на стуле, за записной книжкой или за клочком бумаги – записать несколько слов. Казалось, голова его работает в этом направлении круглые сутки.

Владимир Владимирович Маяковский. *В записи Льва Абрамовича Кассиля:*

Я напрягаюсь над строкой до слез, ночью просыпаюсь и ищу нужное слово. Плачу от удовольствия, когда строка наконец сомкнута. Когда нужное слово найдешь, словно коронка на зуб села – аж искры из глаз.

Петр Васильевич Незнамов:

Это был круглосуточный писатель, который даже в полудремотном состоянии, уже засыпая, мог... писать. Это невероятно, но факт.

Владимир Владимирович Маяковский. Из выступлений, 1929 г.:

Дело не во вдохновении, а в организации вдохновения.

Виктор Борисович Шкловский:

Я пошел с Маяковским на работу. Сперва говорили, потом остановились. Он сказал: – Мне нужно придумать до того дома четыре строчки.

Владимир Владимирович Маяковский. Из книги «Как делать стихи», 1926 г.:

Первое четверостишие определяет весь дальнейший стих. Имея в руках такое четверостишие, я уже прикидываю, сколько таких нужно по данной теме и как их распределить для наилучшего эффекта (архитектоника стиха). <...>

Имея основные глыбы четверостиший и составив общий архитектурный план, можно считать основную творческую работу выполненной.

Далее идет сравнительно легкая техническая обработка поэтической вещи.

Надо довести до предела выразительность стиха. Одно из больших средств выразительности – образ. Не основной образ-видение, который возникает в начале работы как первый туманный еще ответ на социальный заказ. Нет, я говорю о вспомогательных образах, помогающих вырастать этому главному. Этот образ – одно из всегдашних средств поэзии, и течения, как, например, имажинизм, делавшие его целью, обрекали себя по существу на разработку только одной из технических сторон поэзии.

Способы выделки образа бесконечны.

Один из примитивных способов делания образа – это сравнения. Первые мои вещи, например, «Облако в штанах», были целиком построены на сравнениях – все «как, как и как». <...>

Распространеннейшим способом делания образа является также метафоризирование, т. е. перенос определений, являвшихся до сего времени принадлежностью только некоторых вещей, и на другие слова, вещи, явления, понятия.

<...> Один из способов делания образа, наиболее применяемый мною в последнее время, это – создание самых фантастических событий – фактов, подчеркнутых гиперболой. <...>

К технической обработке относится и звуковое качество поэтической вещи – сочетание слова со словом. Эта «магия слов», это – «быть может, все в жизни лишь средство для ярко певучих стихов», эта звуковая сторона кажется также многим самоцелью поэзии, это опять-таки низведение поэзии до технической работы. Переборщенность созвучий, аллитераций и т. п. через минуту чтения создает впечатление пресыщенности. <...>

Я прибегаю к аллитерации для обрамления, для еще большей подчеркнутости важного для меня слова. Можно прибегать к аллитерации для простой игры словами, для поэтической забавы; старые (для нас старые) поэты пользовались аллитерацией главным образом для мелодичности, для музыкальности слова и поэтому применяли часто наиболее для меня ненавистную аллитерацию – звукоподражательную. <...>

Конечно, не обязательно уснащать стих вычурными аллитерациями и сплошь его небывало зарифмовывать. Помните всегда, что режим экономии в искусстве – всегдашнее важнейшее правило каждого производства эстетических ценностей. Поэтому, сделав основную работу, о которой я говорил вначале, многие эстетические места и вычурности надо сознательно притушевывать для выигрыша блеска другими местами.

Можно, например, полурифмовать строки, связать не лезущий в ухо глагол с другим глаголом, чтобы подвести к блестящей громкогромыхающей рифме.

Этим лишний раз подчеркивается относительность всех правил писания стихов.

К технической работе относится и интонационная сторона поэтической работы. <...>

Одним из серьезных моментов стиха, особенно тенденциозного, декламационного, является концовка. В эту концовку обычно ставятся удачнейшие строки стиха.

Иногда весь стих переделываешь, чтобы только была оправдана такая перестановка. <...>

Бесконечно разнообразны способы технической обработки слова, говорить о них бесполезно, так как основа поэтической работы, как я неоднократно здесь упоминал, именно в изобретении способов этой обработки, и именно эти способы делают писателя профессионалом.

Лили Юрьевна Брик:

В молодости он писал, говорят, сложно. С годами стал писать, говорят, «проще». Но он знал, что элементарная простота – не достижение, а пошлость. Пошлости же больше всего боялся Маяковский. С пошляками-упрощенцами и пошляками, симулирующими сложность, он воевал всю жизнь.

Молодой поэт прочел свои новые хорошие стихи Маяковскому. Поэта этого он любил. Но, выслушав его, сказал раздраженно: «До чего же надоели эти трючки. Так писать уже нельзя, вот возьму и напишу небывало, совершенно по-новому».

Лев Абрамович Кассиль. В записи Григория Израилевича Полякова:

Одновременно работал над несколькими темами: одна ведущая, большая – поэма; другая злободневная.

Лев Абрамович Кассиль:

Только что повешена трубка, и снова звонок. Звонят из «Комсомольской правды». Теперь он ходит весело, размахивая свободной рукой. Азартная улыбка сдвинула папиросу далеко вбок. Уже не кажется привязью телефонный шнур, по которому прошел силовой ток, приведший в движение этого только что угрюмого, осевшего человека.

– Очень здорово, что позвонили! – радушно говорит он, скосив в трубку свой большой горячий глаз. – Просто спасибо, что позвонили. А я только что со всем миром переругался. Завалились хламом и ушей не продуют. Ничего, я еще им перепонки поскребу! А стих дам завтра же. Тема вполне роскошная, сама в строку лезет.

Владимир Владимирович Маяковский. Из книги «Как делать стихи», 1926 г.:

Все стихи, которые я писал на немедленную тему при самом большом душевном подъеме, нравившиеся самому при выполнении, все же через день казались мне мелкими, несделанными, однобокими. Всегда что-нибудь ужасно хочется переделать.

Поэтому, закончив какую-нибудь вещь, я запираю ее в стол на несколько дней, через несколько вынимаю и сразу вижу раньше исчезавшие недостатки.

Василий Абгарович Катанян:

В практике поэтической работы Маяковского, когда между написанием вещи и ее опубликованием проходило больше времени, чем ему хотелось, когда он видел, что вещь доставляется читателю далеко не «на аэроплане» и по дороге «стареет», он продолжал работать над нею, осовременивая и дополняя текст новыми подробностями, фактами самых последних дней.

Об этом говорят черновики и печатные варианты многих его произведений.

Так он работал, например, над политическими памфлетами «Маяковская галерея», вплоть до последней корректуры, дополняя портреты политических деятелей новыми и новыми подробностями по последним телеграммам.

Так он работал над своими пьесами в процессе их постановки, пока артисты разучивали роли и репетировали.

Лили Юрьевна Брик:

Просто поговорить, откликнуться, даже стихом, Маяковскому было мало. Он хотел убедить слушателя. Когда ему казалось что это не удалось, он надолго мрачнел. Если после чтения его новых стихов, поговорив о них, шли ужинать или принимались за чаепитие, он становился чернее тучи.

Владимир Владимирович Маяковский. *Из книги «Как делать стихи», 1926 г.:*

Нельзя работать вещь для функционирования в безвоздушном пространстве или, как это часто бывает с поэзией, в чересчур воздушном.

Надо всегда иметь перед глазами аудиторию, к которой этот стих обращен. В особенности важно это сейчас, когда главный способ общения с массой – это эстрада, голос, непосредственная речь.

Надо в зависимости от аудитории брать интонацию убеждающую или просительную, приказывающую или вопрошающую.

Большинство моих вещей построено на разговорной интонации. Но, несмотря на обдуманность, и эти интонации не строго-настроено установленная вещь, а обращения сплошь да рядом меняются мной при чтении в зависимости от состава аудитории.

Василий Васильевич Каменский:

Мы с большой компанией молодежи поднялись по фуникулеру на гору Давида.

Маяковский, озирая с высоты горы, с уважением говорил:

– Вот это – аудитория! С эстрады этой горы можно разговаривать с миром. Так, мол, и так, – решили тебя, старик, переделать.

Декламатор

Эльза Триоле:

Кто-то необычайно большой, в черной бархатной блузе, размашисто ходил взад и вперед, смотрел мимо всех невидящими глазами и что-то бормотал про себя. Потом, как мне сейчас кажется – внезапно, он также мимо всех загремел огромным голосом. И в этот первый раз на меня произвели впечатление не стихи, не человек, который их читал, а все это вместе взятое, как явление природы, как гроза...

Симон Иванович Чиковани (1902/03–1966), грузинский поэт:

Маяковский большое значение придавал авторскому чтению произведений, порой определял этим качество самого стихотворения. Утверждал, что если поэт плохо читает свои стихи, то это свидетельствует о несовершенстве самого произведения, что поэт обязан не только хорошо писать, но и хорошо читать написанное. Каждая поэтическая строка, утверждал он, основана на возможностях собственного голоса, исходит из самой природы поэтического выражения, произнесения... И возможно ли, чтобы не было соответствия между голосом и мыслью, которую хочешь выразить?!

Алексей Елисеевич Крученых:

Уже после 12 часов ночи конференсье объявил: «Сейчас будет читать стихи поэт-футурист Маяковский». Не помню, как он был одет, знаю, что он был очень бледен, жевал папиросу и сейчас же зажег другую, затянулся, хмуро ждал, чтобы публика успокоилась, и вдруг начал, как-то рывкнул с места: «Вам, проживающим за оргией оргию...» Некоторые чтецы, подражая Маяковскому, начинают так же громко и потом дальше все усиливают, усиливают голос, а сам Маяковский в некоторых местах говорил совершенно тихо, и только к концу он опять так же повысил голос, обращаясь к публике, опять дошел до предела, до крепких слов, до ругани и этим закончил.

Елена Владимировна Семенова:

В старом дневнике я написала: «Впервые слышала Маяковского, он играет свои стихи».

Лили Юрьевна Брик:

Между двумя комнатами для экономии места была вынута дверь. Маяковский стоял, прислонившись спиной к дверной раме. Из внутреннего кармана пиджака он извлек небольшую тетрадку, заглянул в нее и сунул в тот же карман. Он задумался. Потом обвел глазами комнату, как огромную аудиторию, прочел пролог и спросил – не стихами, прозой – негромким, с тех пор незабываемым голосом:

– Вы думаете, это бредит малярня? Это было. Было в Одессе.

Мы подняли головы и до конца не спускали глаз с невиданного чуда.

Маяковский ни разу не переменял позы. Ни на кого не взглянул. Он жаловался, негодовал, издевался, требовал, впадал в истерику, делал паузы между частями.

Ольга Дмитриевна Форш:

Маяковский долго гремел и ласкал своим единственным по могуществу голосом. То он жарким словом трибуна валил с ног врага, то пробуждал своим волнением лирика чувства.

Алексей Елисеевич Крученых:

Надо здесь же заметить: в потрясающем чтении Маяковского всегда была одна «уязвимая пятая» – когда он вдруг «пускал слезу», скулил. Прорывался какой-то неуместный фальцет, как будто бас сфальшивил.

Петр Васильевич Незнамов:

Маяковский появлялся на эстраде во всеоружии из ряда вон выходящей манеры. Это был не лектор, а поэт-разговорщик. Даже более того, это был поэт-театр. И все его снимания пиджака, вешания его на спинку стула, закладывания пальцев за проймы жилета или рук в карманы, наконец ходьба по сцене и выпады у самой ramпы – были средствами поэта-театра. Это был инструмент сценического воздействия.

Павел Ильич Лавут:

Те из чтецов, которые, «играя» чуть не каждую строку, ссылаются на авторскую манеру исполнения, неверно осведомлены. Игровой прием для Маяковского был лишь одним из многих, и поэт им не злоупотреблял.

А. Мочкин, слушатель на выступлении В. Маяковского во Владимире в 1927 г.:

Он не просто читал, – он действовал, или, как любил выражаться, «работал». Его голос, интонация, выражение лица, жестикуляция, движения – все было теснейше связано, гармонировало с идеей и содержанием рассказываемого, как бы подчеркивало и выпячивало главные мысли. И это захватывало и вело слушателей, сливало их и поэта в единый коллектив единомышленников. Без такой «работы» на сцене и такого слияния с массами слушателей невозможно представить себе Владимира Владимировича Маяковского.

Елизавета Николаевна Ратманова-Кольцова (1901–1964), жена журналиста М. Е. Кольцова:

Маяковский во время чтения стихов не любил никаких световых эффектов, предпочитая, чтобы в зрительном зале было светло, и очень любил выступать днем перед народом на заводах, на площадях, в парках.

Георгий Владимирович Артоболовский (1898–1943), чтец-декламатор:

Было буднично и жарко. Маяковский пил воду алюминиевым стаканчиком из боржомной бутылки.

И вдруг я слышу в одной из записок упоминание моего имени. Кто-то из публики спрашивает у поэта, огулом упрекавшего в своем выступлении актеров за неумение читать новые стихи, как тот относится к моему чтению.

– Как отношусь? Да никак! – роняет Маяковский. – Я его не знаю. <...>

Вихрь противоречивых мыслей пронесется в голове. Но желание узнать мнение поэта – сильнее всего. Пусть я устал от проведенного концерта, пусть Маяковский публично раскритикует мое исполнение, – я поднимаюсь на сцену.

Не помню: не то называлось в записке, не то выкрики из публики заказали мне задорное «Солнце в гостях у Маяковского».

– А вы не слышали, как я его читаю? – спрашивает автор.

– Нет, исполнения этого стихотворения не слышал.

– А вы не обидитесь, если после вас я сделаю свои замечания и прочту его по-своему? – продолжает он.

– Нет, я не обижусь. Но вы разрешите и мне сделать свои замечания с точки зрения читателя, – перехожу я в наступление.

Маяковский косится:

– Пожалуйста.

Публика в восторге: аттракцион готов. Состязание на эстраде! Бойцы салютовали друг другу и стали в позицию!..

Итак, я исполняю заказанное стихотворение, кончая его бравурно «под занавес»:

...светить –
и никаких гвоздей!
Вот лозунг мой –
и солнца!

Публика аплодирует.

По совести говоря, читал я в тот раз неважно. Как всякий понимает, впервые читая перед автором, я волновался. От волнения был каким-то растрепанным, несобранным. Маяковский, при желании, мог обойтись со мной достаточно сурово. На эстраде, в полемике, он часто бывал и резким и беспощадным. Но он был принципиален. Он знал, кого бить и за что бить. О моем чтении он высказался по-деловому.

Отметил, что «у артиста красивый голос», касательно же исполнения сказал, что «оно все-таки актерское» (он, видимо, считал актерством мою передачу диалога с солнцем). Попутно попрекнул он и Ильинского за то, что тот «свистит солнцу». Пожелал большей ритмической заостренности (сам он читал в «железном ритме»).

В связи с этим любопытно одно наблюдение. Как известно, исполнявшееся мною стихотворение Маяковского написано ямбом, в котором последовательно чередуются стихи четырехстопные и трехстопные. В литературе отмечалось, что здесь дважды мы находим ритмические перебои: так, стих – медленно и верно вследствие отсутствия анакрузы (начального неударного слога) имеет вид хореического стиха. Чтение Маяковского выправляло этот мнимый «перебой» ритма. Маяковский изобразительно растягивал произнесение первого слова (чтобы в самой интонации отразить «поступь событий» – медлительность описываемого акта), тогда как второе слово произносил твердо и четко. Таким образом, этот в начертании хореический стих в произнесении поэта уподоблялся прочим ямбическим стихам:

ме-эдленно и верно.

Слово жило для Маяковского не только логической, но и «изобразительной» стороной. «Перебой ритма» был знаком смыслового оттенка, ощущавшегося поэтом. Я запомнил это потому, что Маяковский именно этот стих обособленно показал мне на эстраде: «А это так надо читать».

Затем он упрекнул меня за то, что я не сказал заглавия: «У меня заглавие всегда входит конструктивной частью произносимого стихотворения». Это надо учесть исполнителям.

Вспомним, как Маяковский при исполнении «Нашего марша» начинал маршеобразное движение ритма с произнесения самого заглавия «на два удара»:

На́ш – ма́рш.

Тогда, в Евпатории, он произнес заглавие повторенного им после меня стихотворения, зычно возгласив первые слоги (выделив их как бы «жирным шрифтом» голоса):

НЕОБЫ

И после чуточной паузки рассыпался петитом:

чайное приключение...

Помнится, Маяковский сказал, что соответственно располагались шрифты при первой публикации вещи. Если это так, приходится пожалеть, что в дальнейших перепечатках это графическое своеобразие пропало. И в данном случае, как и всегда, графика Маяковского отражала интонационные пожелания автора, помогая исполнителю. Вопрос о «букве» Маяковского – это вопрос о мысли Маяковского. За всякой «буквой» у него живые звуки, интонация, мысль.

Читал Маяковский превосходно. При этом он отнюдь не «играл» образов. Он с рельефностью скульптуры передавал смысл произведения в четком каркасе ритма. Бросающейся в слух особенностью было неподражаемое переслаивание повышенного (патетического) тона – тоном разговорным, «низким».

Запомнился смелый оборот, когда после слов «в упор я крикнул солнцу», вместо естественно ожидаемого громкого обращения, поэт говорил «слазь!» простецким и потому уничижительным для солнца тоном. Подобным образом строилась и концовка. После высокопафосного подъема к словам «вот лозунг мой», мощно провозглашаемым, – поэт делал маленькую остановочку и добавлял, как нечто незначительное, – «и солнца», низводя этим светило до роли «энного спутника» к необъятному жизнеутверждающему «я».

Когда поэт кончил, я посетовал, что автор, считая, по-видимому, свою интерпретацию канонической, дает так мало знаков для исполнителя. Кто прибегнет к только что показанному поэтом «речевому оксюмору» без особого авторского указания? Кто решится сказать «слазь» противоположно прямому смыслу глагола «крикнул»?

Маяковский ответил, что он не считает такое чтение общеобязательным. Видимо, слегка задетый моим замечанием, он добавил примерно так: «Действительно, это прием довольно грубый. Это в балагане, намереваясь посмешить, актер зовет, обращаясь в кулису: цып-цып, а оттуда, вместо ожидаемой крошки, является нарочитый верзила. Но я не всегда читаю одинаково, – смотря по аудитории». И подкрепил это, показав, как то же заглавие он читает по-иному. Став у кулисы, он прошелся затем вдоль рампы маленькими шажками, ритмично при этом отбарабанивая: не-о-бы-чай-но-е-при-клю-че-ни-е...

Этим и закончилось наше «состязание на эстраде».

Александр Вильямович Февральский:

Маяковский не читал свои произведения всегда одинаково. Сохраняя основную трактовку и манеру исполнения, он порой вводил в свое чтение новые интонации, новую окраску отдельных мест. Очень часто различия в чтении определялись тем, перед какой аудиторией, в каких условиях выступал поэт.

<...> Одна из характерных особенностей чтения Маяковского заключалась в том, что он очень четко произносил каждое слово. Уже после его смерти, работая над новой постановкой «Клопа» (она не была завершена), В. Э. Мейерхольд на репетиции 9 февраля 1936 года говорил артистам: «Все слова Маяковского должны подаваться как на блюдечке, курсивом, он это любит». Это было очень меткое определение. Подавая слова «как на блюдечке», Маяковский усиливал ударность, впечатляемость своего чтения. Как правило, Маяковский не тянул звуки (только изредка он растягивал ударные гласные в концах слов, чтобы подчеркнуть значительность того или другого места), и в то же время повышения голоса не переходили у него в выкрики. Он делал ударения на основных словах фразы, но это не мешало ему очень ясно произносить окончания всех слов. Вообще он не «глотал» буквы: каждая гласная

и каждая согласная жила своей жизнью и вместе с тем выполняла свое определенное назначение, как частица мастерски инструментowanego целого. <...>

В исполнении Маяковского не было ни малейшего признака натуралистического подражательства, бытовщины, мелкотравчатого жанризма, – недаром он начисто отбрасывал «бытовой разговорный тончик» в театре. И он выступал против «старых традиций в области декламации», осуждал чтецов, которые, как он писал, «или классически подвывают, или делают бытовые ударения, совершенно искажая стихотворный ритм».

Читая «Рассказ про то, как кума о Врангеле толковала без всякого ума», Маяковский не пытался изображать, играть действующих лиц – бабу, волшебника, хозяина ресторана, околоточного. И если он все же по-разному оттенял голосом их реплики, – это были лишь намеки на индивидуальные характеристики, такие намеки, которые не превращали стихотворение в инсценировку и ничуть не нарушали его ритмической структуры. <...>

Нередко в чтении того или иного произведения ироническая интонация чередовалась с патетической, и из столкновения контрастных элементов возникало интонационное разнообразие, которое делало прочитанное особенно впечатляющим.

В патетике Маяковского не было выпренности, нарочитого, наигранного» пафоса, искусственной приподнятости, ложной значительности. Для Маяковского патетика означала подлинный поэтический подъем, вырвавшийся из глубокой и страстной убежденности борца. Сила мысли объединялась с правдой чувства. Поэтому чтение Маяковского было ярко эмоциональным, захватывало своей искренностью.

В его исполнении, как и в самом тексте его стихотворений, поэм и пьес, слово становилось именно действием.

Жестом Маяковский пользовался умеренно. Он, бывало, читая, ходил по эстраде, но никогда не размахивал руками. Четкий и в то же время свободный и плавный жест, размеренное движение помогали оттенять ту или иную мысль, усиливали выразительность слов.

Василий Васильевич Каменский:

Маяковский читал изумительно, с широкими проворными жестами, будто по воде плавал, и голос его звучал как у парохода. И слова он складывал, как тюки в порту.

В мире искусства

Алексей Елисеевич Крученых:

Маяковский <...> начинал как подающий блестящие надежды рисовальщик. Еще профессора Школы живописи отметили его как старательного и способного.

Александра Алексеевна Маяковская:

Ему хорошо удавались портреты и карикатуры.

Давид Давидович Бурлюк:

У него были способности к рисунку: он схватывал характер, делал шаржи, сотрудничая ими в юмористических журналах. Но живопись требует постоянного физического труда, методичной работы – красок, холста и массы затраченных часов, недель, лет... Ко всему этому у Маяковского не было склонности. Поэтому В. В. Маяковский на всю жизнь сохранил несерьезное отношение к изобразительным искусствам, этим и объясняется мальчишеская позиция, занятая позже Лефом (т. е. Маяковским), пошедшим на полное отрицание живописи «как ремесла».

Григорий Филиппович Котляров (1890 – около 1970), художник, соученик В. Маяковского по Школе живописи, ваяния и зодчества в Москве:

«Натура» проводилась для всех классов одновременно. Рисуем около часа. Рядом – Маяковский. Сосредоточен. Краешком глаза пытаюсь рассмотреть, что у него на мольберте. Знаю ведь, он отлично владеет кистью. Заглядываю и ужасаюсь. Сплошь рубленые линии. В них и не угадать то милое создание, что позирует перед нами. А цвета выбрал!.. Сплошь зелено-коричневые оттенки.

Лев Федорович Жегин:

Маяковский сам, вероятно, сознавал, что живопись – не его призвание. Он писал маслом, ярко расцветивая холст, достигая внешнего весьма дешевого эффекта. <...>

Маяковский как живописец проявился позднее в другой смежной области: он стал ярким плакатистом, создав свой собственный, вполне самостоятельный стиль политической карикатуры для «Окон Роста». Впрочем, дарование Маяковского как карикатуриста стало проявляться еще в школе живописи.

Лев Абрамович Кассиль. *В записи Григория Израилевича Полякова:*

Делал из спичек портрет Максима Горького.

Василий Васильевич Каменский:

Однажды на эстраду поднялся молодой композитор Сергей Прокофьев и сыграл свою новую вещь «Наваждение». <...> Пока Прокофьев играл, Володя набросал в альбоме превосходный портрет композитора за роялем и надписал:

«Сергей Сергеевич играет на самых нежных нервах Владимира Владимировича».

Мария Никифоровна Бурлюк (*урожд. Еленевская; 1894–1967*), жена Д. Д. Бурлюка:

С Маяковским мы ходили вдвоем весной 1912 года в консерваторию слушать концерт Собинова, который пел ученикам романсы Чайковского, нюансируя их по всем правилам высшей школы классического искусства. В антрактах костлявая, худая фигура Маяковского, слегка сутулившего плечи, спешила в курительную комнату. Музыку Маяковский любил.

Владимир Владимирович Маяковский. *Из очерков, 1923 г.:*

Между мной и музыкой древние контры. Бурлюк и я стали футуристами от отчаянья: просидели весь вечер на концерте Рахманинова в «Благородном собрании» и бежали после «Острова мертвых», негодуя на всю классическую мертвечину.

Николай Иванович Хлестов (1888–?), оперный певец и педагог, друг семьи Маяковских:

Многие слышали, как читал Маяковский стихи, свои и чужие, но вот как Маяковский пел, мало кто слышал, а он любил петь. Кстати сказать, мне приходилось слышать, будто он не имел музыкального слуха. Это неверно. Музыкальный слух у него, безусловно, был. Он запоминал музыкальные произведения и при повторении их точно называл пьесу и автора. Голос – бас – у него тяжелый, большой, ему было трудно с ним справиться. Он мог петь только в низких регистрах. Тембр его голоса, густой, басовитый, немного напоминает голос известного негритянского певца Поля Робсона. Но к голосу Маяковского надо было подладиться. Я умел это делать, и у нас получалось неплохо.

Мария Никифоровна Бурлюк:

Бурлюк, как украинец, любил пение, и я начала учить его по методу профессора Александровой-Кочетовой.

Увидя успехи Давида Давидовича, Маяковский скоро и сам басом изъявил желание пройти со мной несколько романсов, но у моего нового ученика абсолютно не было музыкального слуха, а одолеть ритмическую работу упорным трудом у Владимира Владимировича не было охоты. Все же оказалось, что он знает несколько тактов песни Варяжского гостя из оперы «Садко», начинающейся словами «О скалы грозные дробятся с ревом волны». Теперь каждый вечер я с Владимиром Владимировичем разучивала эту арию и в конце концов добилась того, что он был в состоянии ее исполнить, не диссонировав, не расходясь с аккомпанементом.

Маяковский пел с увлечением, не утомляясь мелодией. У него было что-то вроде бас-профундо, и в арии этой он выдерживать умел все паузы, показывая красоту и силу звука, рожденные молодым богатырством.

Николай Иванович Хлестов:

Маяковский больше всего любил народные песни. Любил он романс Шуберта на стихи Гейне «В движеньи мельник жизнь ведет». Отправляясь на прогулку, он его всегда напевал. И в Москве и в Саратове я много пел ему романсов и арий, так что с вокальной классической литературой Маяковский был хорошо знаком. Но ему не все нравилось, что мы пели. Его любимыми вещами были: «Дай мне под камнем могильным...» Бетховена, романсы Римского-Корсакова «Гонец», «Пророк», Шумана «Я не сержусь», Шуберта «Двойник», «Шарманщик» и особенно баллада Мусоргского «Забытый». <...>

Из оперных арий Маяковский любил больше всего арию князя Игоря. Терпеть не мог и прямо-таки ненавидел модные в то время слезливые романсы с надрывом: «У камина», «Хризантемы», «Гай да тройка» и т. п. Инструментальную музыку мы слушали значительно реже. Я хотя и аккомпанировал, но не настолько владел инструментом, чтобы познакомить Маяковского с классической музыкой. Приходилось приглашать пианиста, а это не всегда удавалось. Помню, ко мне в Саратов приходил мой товарищ, пианист, и играл нам Шопена. Вальсы Володя похвалил, но как-то равнодушно, зато «Революционный этюд» Шопена произвел на него очень сильное впечатление, и он восхищенно сказал:

– Вот это музыка!

Слушали мы вместе с ним сонаты Бетховена: Восьмую, Четырнадцатую, «Аппассионату» – и «Прелюдии» Рахманинова. Эти пьесы ему также нравились. Особенно сонаты Бетховена.

Александра Алексеевна Маяковская:

Любил также романс Шумана на слова Гейне «Я не сержусь», «Гонец» Римского-Корсакова и особенно – русские частушки и песни.

Ольга Владимировна Гзовская:

Помню, из комнаты брата, когда приходил к нему Маяковский, не раз доносились тюремные частушки, сочиненные студентами и дошедшие до гимназистов. Громкими молодыми голосами они распевали их.

Наталья Александровна Брюханенко:

В вагоне было темно, и в этом пустом, темном вагоне почти всю дорогу Маяковский и нарядная, в эффектных серьгах Ирина пели, устроив нечто вроде конкурса на пошлый романс.

Вот вспыхнуло утро, румянятся воды,
Над озером быстрая чайка летит... –

пели они, стоя у раскрытого окна. За окном была степь и красивая южная ночь. Это было очень ново для меня и интересно. Что только они не вспомнили: «Отцвели уж давно хризантемы в саду...», «Гай да тройка, снег пушистый, ночь морозная кругом...», «Белой акации гроздь душистые вновь аромата полны...».

Сергей Сергеевич Медведев:

Володя охотно посещал кино и очень им интересовался. Наоборот, к театру он был довольно равнодушен.

Вероника Витольдовна Полонская:

Театра Владимир Владимирович вообще, по-моему, не любил. Помню, он говорил, что самое сильное впечатление на него произвела постановка Художественного театра «У жизни в лапах», которую он смотрел когда-то давно. Но сейчас же издевательски добавил, что больше всего ему запомнился огромный диван с подушками в этом спектакле. Он будто бы потом мечтал, что у него будет квартира с таким диваном.

Меня в театре он так и не видел, все собирался пойти. Вообще он не любил актеров, и особенно актрис, и говорил, что любит меня за то, что я – «не ломучая» и что про меня никак нельзя подумать, что я – актриса.

Владимир Владимирович Маяковский. Из статей, 1913 г.:

Театр сам привел себя к гибели и должен передать свое наследие кинематографу. А кинематограф, сделав отраслью промышленности наивный реализм и художественность с Чеховым и Горьким, откроет дорогу к театру будущего, нескованному искусству актера.

Владимир Владимирович Маяковский. Из статей, 1922 г.:

Для вас кино – зрелище.

Для меня – почти мирозерцание.

Кино – проводник движения.

Кино – новатор литератур.

Кино – разрушитель эстетики.

Кино – бесстрашность.

Кино – спортсмен.

Кино – рассеиватель идей.

Виктор Борисович Шкловский:

Кино Маяковский любил хроникальное, но организованно-хроникальное, и сюжетное.

С сюжетом ему было трудно, он лирический поэт, и у него лирический сюжет, он сам герой своих вещей.

Его тема – поэт, идущий через горы времени.

В кино он любил самую специфику кино.

Он не собирался играть с киноаппаратом. Но театр, как и слово, дает художнику какие-то ограничения, и, переходя в новое искусство, надо стараться освободиться от ограничений, а не тащить их с собой. <...>

Кино нравилось Маяковскому и тем, что киноработу не надо было переводить. Он любил американскую ленту.

Лев Александрович Гринкруг:

Уже через несколько месяцев после Октябрьской революции Маяковский снова возвращается к мыслям о кинематографии.

По свойственной ему жадности к работе, заинтересованности и желанию во что бы ни стало сделать все по-новому, он, никому не доверяя, все хочет делать сам – писать сценарий, быть режиссером, играть главную роль, делать рекламные плакаты и т. д. и т. д.

Однако в тот период это было не так просто. <...>

Прежде всего нужно было решить организационные вопросы и в первую очередь найти фирму, которая согласилась бы предоставить павильоны и финансировать картину с участием Маяковского: он был хорошо известен как новатор, имеющий на все свои собственные взгляды, человек глубоко принципиальный, не терпящий в искусстве никаких компромиссов.

А поскольку Маяковский выступал в кинематографии впервые, нужно было ему поверить на слово. Дело было рискованное!

Бродя по улицам Москвы, мы много говорили на эти темы, обсуждали все возможности и думали, как бы все-таки это осуществить. Наконец мы вспомнили. У нас были знакомые, муж и жена Антик, владельцы кинофирмы «Нептун». Они хорошо относились к Маяковскому, верили в его талант и, когда он рассказал им о своем желании принять участие в съемках картины, заинтересовались этим, предложили ему написать сценарий и сыграть главную роль, обещая поставить его сценарий в своем павильоне в Самарском переулке.

Они поверили ему на слово, понимая, конечно, что одно имя Маяковского – лучшая реклама для фильма и что затраченные деньги вернутся с лихвой. Он был для них той «звездой», о которой мечтали тогда все кинопроизводственники и на которых строилась в те времена кинематография. <...>

Для первой картины Маяковский выбрал роман Джека Лондона «Мартин Иден». Ему нравился этот роман, ему казалось, что в герое этого романа есть что-то общее с ним самим.

Выходец из бедной семьи, молодой человек с огромной силой воли и верой в жизнь, талантом и упорством добился вершины славы, сделавшись знаменитым писателем.

Маяковский взял в основу этот роман, перенес его на русскую почву, многое в нем переделал, особенно в финале, и сделал сценарий о русском поэте, который, преодолевая препятствия и борясь с рутинной, приходит к славе и богатству. Но, достигнув славы, он разочаровывается во всем, что его окружает. Он ищет правды и не находит ее, он стремится

к истинной, идеальной любви, но эта любовь оказывается мелкой, недостойной его. Все это приводит его к мысли о самоубийстве, но вера в жизнь спасает его, он симулирует самоубийство, сжигает свою богатую одежду, снова одевает рабочий костюм и уходит в неизвестность.

Мартин Иден превращается в Ивана Нова, а фильм получает название «Не для денег родившийся». <...>

Начали мы сниматься в марте 1918 года, а в конце апреля картина уже была закончена. Картины тогда делались быстро. Почти все сцены снимались с одной точки, общими планами. О предварительных репетициях в те времена и не думали. Актерам сценария до съемок не показывали, и, таким образом, они, в сущности, понятия не имели о фильме, в котором снимались.

Эта картина представляла счастливое исключение для исполнителя главной роли, так как он же был и автором сценария. Сценарий знал еще я, все же остальные актеры знакомились только с той сценой, в которой они были заняты, не имея понятия о том, что было раньше и что последует за этим.

Перед самой съемкой режиссер коротко объяснял, что надо делать, где встать, как двигаться, какое принять выражение лица. Тут-то и начинались споры с Маяковским, который всегда предлагал внести какие-нибудь изменения, какие-нибудь новшества, нарушающие установленные шаблоны. Но когда начиналась съемка, Маяковский становился дисциплинированным, заботясь только о выразительности своей актерской игры.

В редких случаях сцена повторялась.

Виктор Борисович Шкловский:

Иван Нов спасал брата прекрасной женщины.

Потом начиналась любовь к женщине. А женщина не любила бродягу. Тогда бродяга становился великим поэтом, он приходил в кафе футуристов. <...>

Света было мало, поэтому в кафе футуристов задник был почти на самом экране. Задник небольшой, на нем изображена какая-то десятиногая лошадь, в кафе Бурлюк с разрисованной щекой и Василий Каменский.

Иван Нов читает стихи Бурлюку...

И, как тогда, на бульваре, Маяковскому, Бурлюк говорил Ивану Нову:

– Да вы же гениальный поэт!

Виктор Андроникович Мануйлов:

Запомнился эпизод в кафе футуристов: Иван Нов (Маяковский), Василий Каменский, Давид Бурлюк читают свои стихи. Здесь очень не доставало живого, звучащего слова, но кино было тогда немым, и только по жестам, по отчетливой ритмической артикуляции можно было догадаться, что поэты выступают со стихами. На эстраде стояла обыкновенная школьная черная доска, поэты писали на ней мелом строки из своих стихотворений, а Каменский просто во всю доску расписался: «Василий Каменский».

Едва ли не самое сильное впечатление на долгие годы оставил эпизод какого-то академического собрания пушкинистов. Выступает Иван Нов. В такт взмахов его рук покачивается на подставке гипсовый бюст Пушкина. Наконец бюст падает и рассыпается в мелкие куски. Иван Нов удаляется. Пушкинисты бросаются в погоню за бунтовщиком-оратором.

Виктор Борисович Шкловский:

И начиналась слава, и женщина приходила к поэту. Поэт в накидке и цилиндре. Он надевал цилиндр на скелет, покрывал скелет накидкой и ставил это все рядом с открытым несгораемым шкафом.

Шкаф был набит гонорарным золотом до отвращения. Женщина подходила к скелету, говорила:

«Какая глупая шутка!»

А поэт уходил. Он уходил на крышу и хотел броситься вниз.

Потом поэт играл револьвером, маленьким испанским браунингом, не тем, которым поставил точкой пулю.

Потом Иван Нов уходил по дороге.

Владимир Владимирович Маяковский. *Из письма Л. Ю. Брик, апрель 1918 г.*³:

Кинематографщики говорят что я для них небывалый артист. Соблазняет речами славой и деньгами.

Лили Юрьевна Брик. *В записи Григория Израилевича Полякова:*

Был хороший объект для кино. Актерской одаренности, однако, сам при этом не обнаружил. Никакой роли сыграть не мог. Мог изобразить только себя. Абсолютно во всем мог быть только собой, не мог быть ничем иным.

³ Орфография и пунктуация в письмах Маяковского сохранены в соответствии с источником публикации. Известно, что поэт не расставлял в своих письмах запятые и иные знаки препинания. – Сост.

Круг интересов

Александра Алексеевна Маяковская:

Володя усиленно читал политическую и научную литературу, которую доставал у товарищей и в библиотеках. Постоянно читал газеты.

Утром, когда просыпался, он первым делом спрашивал:

– Газета есть?

Владимир Владимирович Маяковский. «Я сам»:

ЧТЕНИЕ

Беллетристики не признавал совершенно. Философия. Гегель. Естествознание. Но главным образом марксизм. Нет произведения искусства, которым бы я увлекся более, чем «Предисловием» Маркса. Из комнат студентов шла нелегалщина. «Тактика уличного боя» и т. д. Помню отчетливо синенькую ленинскую «Две тактики». Нравилось, что книга срезана до букв. Для нелегального просовывания. Эстетика максимальной экономии.

Людмила Владимировна Маяковская (1884–1972), сестра В. Маяковского, художник по ткани:

У нас сохранилась переплетенная Володей книга Токвиля «Старый порядок и революция» и два сборника брошюр. В одном из них объединены: Ф. Энгельс «Крестьянский вопрос во Франции и Германии»; М. Шиппель «Профессиональные союзы рабочих»; З. Ф. Зейдель «Нормальный рабочий день»; К. Каутский «Воспоминания (Автобиография)»; Ф. Лассаль «Гласный ответ Центральному Комитету, учрежденному для созвания общего германского конгресса в Лейпциге.

Николай Иванович Хлестов:

Когда я поселился у Маяковских, Володе было шестнадцать лет. Это был не по годам развитый, начитанный, одаренный юноша. В его библиотеке я нашел сочинения Некрасова, Толстого, Гоголя, Горького, Достоевского, Чехова, Ибсена и других классиков литературы; книги по философии и политической экономии – сочинения Фейербаха, Дицгена и других авторов, а также учебники по алгебре, геометрии, физике, литературе, латыни, по немецкому языку.

Давид Давидович Бурлюк:

Маяковский с жадностью, как сухая земля во время ливня, временами, периодами набрасывался на книгу. Читал запоем.

Владимир Владимирович Маяковский. Анкета «Писатель и книга», 1926 г.:

1. Имеется ли у Вас личная библиотека. Если да, то сообщите количество томов.

Библиотека общая с О. М. Бриком. 1000–1200 книг.

2. Какой состав Вашей библиотеки? В чем особенность личной Вашей библиотеки?

Что в ней преобладает (беллетристика, история, социология и т. д.)?

Теория литературы и социология.

3. Давно ли Вы собираете свою библиотеку?

Всегда имели книгу. <...>

6. Ваше отношение к собирательству книг?

Хорошо, если нужны для работы. Коллекция неразрезанных книг отвратительна.

7. Книги и Ваша литературная работа?

Иногда книга помогает мне, иногда я – книге.

Василий Абгарович Катанян:

Удивительный книговорот <...> представляла собой эта библиотека. Книги появлялись, разрезались, читались, перекочевывали с ночного столика на полки, уступали свое место другим, меняли соседей, снова возникали на столе, дарились тем, кому они были нужны, некоторые уходили к букинистам, но вместо них каждый день появлялись новые и новые и начинали свою беспокойную жизнь в этом доме. Их было все больше и больше, они уже выпирали из тесных комнатушек, где мебель нужно было заказывать по мерке, потому что ничего не влезало. В конце концов они распространились и на холодную лестницу. Зимой Осип Максимович надевал шубу, снимал большой висячий замок, запиравший скрипучий шкаф, и устраивал на поселение новых жильцов, а кое-какие старые въезжали обратно в теплую квартиру.

Николай Павлович Смирнов-Сокольский (1898–1962), актер, библиофил и библиограф:

Мне в те дни посчастливилось, и я приобрел у одного старого библиографа его довольно значительную коллекцию альманахов и сборников XVIII и XIX столетий... За столом разговор некоторое время вертелся вокруг этой моей находки. Единомышленников по книжному собирательству не было, ни одного, и все «испытанные остряки», во главе с самим Владимиром Владимировичем, подтрунивали над моей «страстишкой», называли меня «старьевщиком», «шурум-бурумщиком» и так далее. Поэт громогласно процитировал самого себя:

Ненавижу всяческую мертвечину –
Обожаю всяческую жизнь!..

Мне с Маяковским было по дороге, но в пути он предупредил меня, что идет прямо ко мне.

– Зачем, Владимир Владимирович? Четвертый час ночи!

– А вот посмотрю, что за дрянь вы там накупили...

Зашли в номер. Альманахи и сборники были разложены у меня корешками вверх на огромном диване, на креслах, на полу. <...> Удивленный до крайности, я подсел к Владимиру Владимировичу и в ту же минуту имел удовольствие убедиться, что его знаменитое «Ненавижу всяческую мертвечину» – к старой русской книге, к ее творцам и создателям никакого отношения не имеет. Он не только уважал и любил старую книгу, но, что гораздо важнее, хорошо ее знал.

Об имеющихся у меня альманахах и сборниках, об участвовавших в них поэтах и писателях он рассказал мне больше, чем знали многие специалисты.

Николай Николаевич Асеев. В записи Григория Израилевича Полякова:

Ранее читал очень много, после того как началась творческая деятельность, кроме текущей литературы читал только то, что было необходимо для его творческой деятельности. Из современной литературы только поэзию.

Владимир Владимирович Маяковский. Из интервью газете «Прагер Пресс»:

А проза? Ну, по нашему мнению, все жанры прозы могут быть заменены мемуарной литературой. Возврат к Толстому – вещь невозможная. Наш сегодняшний Толстой – это газета.

Лили Юрьевна Брик:

Трудно сказать, какой прозой увлекался Маяковский. Он любил Достоевского. Часами мог слушать Чехова, Гоголя. Одной из самых близких ему книг была «Что делать?» Чернышевского. Он постоянно возвращался к ней. Жизнь, описанная в ней, перекликалась с нашей. Маяковский как бы советовался с Чернышевским о своих личных делах, находил в нем поддержку.

Наталья Александровна Брюханенко:

Каждый день с утра Маяковский прочитывал все газеты, просматривал последние журналы.

Корнелий Люцианович Зелинский:

Один предмет поглощал его в жизни всего целиком. О нем он думал непрерывно. Он вспоминал о нем всегда, точно очнувшись, когда молчал на каком-нибудь собрании или грототал на своих вечерах, острил или грустил. Этот предмет вряд ли можно назвать одним словом «политика». Это подобно расширяющейся вселенной. За политикой следовала мысль о человеке; за человеком – мысль о человечестве; за человечеством – мысль о добре и красоте бытия. Но первое острие, которое направлял он на все: на стихотворение, на человека, на событие, – это было политическое острие. С политической точки зрения Маяковский оценивал все.

И здесь никаких компромиссов. Никаких!

Лили Юрьевна Брик. В записи Григория Израилевича Полякова:

Интересы М., как художественные, так и личные, шли в основном по линии социальной. М. интересовали только люди и установление связи между собой и людьми. Этим объясняется его равнодушие к природе, при очень большом интересе к жизни города, к населяющим его людям и учреждениям.

Лев Абрамович Кассиль. В записи Григория Израилевича Полякова:

Саму по себе природу, по-видимому, не любил. Любил походить по лесочку, пострелять.

Сергей Сергеевич Медведев:

Помню, как-то мы провели с ним двое суток в Подсолнечном, на озере Синеже. Это было летом 1909 года, должно быть в июне, уже после окончания занятий. С нами был еще один мой приятель, как и я, страстный любитель природы и озера.

Володя нас все время старался уверить, что терпеть не может природы, и приводил нас этими разговорами в совершенный ужас. Он был мрачен, у него болели зубы, он поминутно набирал в рот воды и выплевывал ее в озеро. Нас с приятелем это ужасно злило. Зашел разговор о Тургеневе. Володя высказался о нем очень иронически и подчеркнуто резко заявил, что тургеневская любовь к природе его не только не устраивает, но он готов плевать на нее.

Александра Алексеевна Маяковская:

Володя особенно много читал и увлекался астрономией – приложением к журналу «Вокруг света» была дана карта звездного неба. По вечерам Володя любил ложиться на спину и наблюдать небо, густо усеянное яркими, крупными звездами.

Николай Иванович Хлестов:

Володя любил глядеть на звезды. Он хорошо знал астрономию, называл мне отдельные звезды и созвездия.

Лили Юрьевна Брик. *В записи Григория Израилевича Полякова:*

Гимнастикой, спортом, а также какой-либо тонкой ручной работой не занимался.

Свойства ума и мышления

Лили Юрьевна Брик. *В записи Григория Израилевича Полякова:*

Ни в творчестве, ни в характере не был склонен к деталям, к подробностям. Был совершенно немелочный (ненавидел сплетни), во всем широта и размахистость, цельность, «глыбистость».

Корнелий Люцианович Зелинский:

Внешнее могущество маскировало могущество духа, скрывало нежность, необыкновенную впечатлительность. И, прежде всего обращая внимание на физические данные, скрывало ум. Ум громадный, казалось, обнимавший жизни миллионов людей. Ум, уходивший за горизонт. Уж лучше бы Маяковский был небольшого роста и с бровями, как у Вяи или у Толстого. Заставлял бы дорисовывать, догадываться, а так он удивлял наружностью. А это было меньше и второстепеннее того, чем обладал Маяковский...

Василий Абгарович Катанян:

Маяковский не был разговорчив; скорее наоборот, он больше любил слушать, как разговаривают. Но если он не мог понимать, что говорят, и молчание становилось вынужденным, тогда, конечно, особенно хотелось поговорить.

Александр Вильямович Февральский:

Маяковский умел слушать собеседника. Поэтому он схватывал его мысль не приблизительно, а по существу, и отвечал ему точно. И в личной беседе с Маяковским, и в его выступлениях с эстрады ощущалось, как сильная воля поэта управляет его темпераментом.

Гуго Гупперт:

Но тот, кто ожидал, что и в личном общении сила Маяковского выльется в такое же громыхание, тот плохо представлял себе сущность этой силы. Меня поразила и очаровала неопишуемая предупредительность, теплота, почти «уютность» Маяковского в частной жизни, сердечная простота и глубокая чуткость в обращении с собеседником. Он покорял этим редчайшим качеством – ласковостью сильного человека. Тут сказались его человечность, его ум. Тонкой, смягчающей иронией одевал он свои излюбленные веселые гиперболы, охотно прибегая к ним и в разговоре. Никогда раньше мне не приходилось встречаться с человеком, который мог так заразительно действовать на окружающих. Его манера говорить, его пытливый взгляд, его умная улыбка – все вызывало у собеседника тысячи выдумок, мыслей. Я чувствовал, что нахожусь в магнитном поле его ощутимой мозговой работы. Меня не покидало впечатление, что он, поэт с неожиданно разветвляющимися образными ассоциациями, опирается на реальные знания, которые никогда не выставляет самодовольно напоказ. Он не был «цитатчиком», редко ссылаясь на прочитанные книги или на известные авторитеты в искусстве и в науке. Но при этом чувствовалась его осведомленность в этих вопросах. Во всем его существовании, если можно так сказать, светился его тонкий и точный, насыщенный знаниями ум. И какая необычайная изобретательность была в нем! Как он умел подойти к каждому явлению, открыть в нем новые, неожиданные стороны – и все это без насилия, без коверкания реальных представлений, без умничанья. По всей Москве ходили фразы и остроты, настоящие словесные жемчужины, подхваченные кем-нибудь у Маяковского.

Вадим Габриэлевич Шершеневич:

Маяковский любил острить. Вне остроумия его не существовало. Он мог прервать самый серьезный спор и беседу для остроумия. Острил он плакатно и подчас грубовато.

Лили Юрьевна Брик:

Маяковский был остроумен и блестящ, как никто, но никогда не был «собеседником» и на улице или природе, идя рядом с вами, молчал иногда часами.

Василий Васильевич Каменский:

Нас долго забавляло то, что Маяковский, не рисуя, как-то не умел слушать ни чтецов, ни певцов, ни музыкантов.

Если даже его заставляли врасплох и у него в этот момент не оказывалось альбома или листка бумаги, он вынимал из кармана носовой платок, клал на колени и рисовал.

И тогда внимательно слушал, все время шевеля губами.

И сам же говорил:

– Не могу я просто сидеть да слушать, обязательно рисовать хочется, а то как-то стыдно, что ли... Люди читают, поют, играют, а я ничего не делаю.

Лили Юрьевна Брик. В записи Григория Израилевича Полякова:

Очень большая субъективность в подходе и оценке окружающего. В людях замечал только то, что его так или иначе поражало или заинтересовывало. Мог при этом заметить какую-нибудь мелкую деталь, не замечая всех остальных особенностей человека. Был очень наблюдателен, но наблюдательность часто носила очень субъективный характер. Поэтому часто ошибался в людях. Что-нибудь случившееся передавал также очень субъективно. Трудно представить себе М., например, как бытописателя.

Павел Ильич Лавут:

Когда Маяковский в Москве составлял текст афиши, я удивился: «Почему вы намечаете программу и за Асеева?» Он ухмыльнулся:

– Я лучше знаю, что ему нужно читать.

Василий Васильевич Каменский:

Память у него была феноменальная. В этом отношении он не знал себе равных.

В любой момент и где угодно, на извозчике, в трамвае, на улице, за обедом, за игрой в карты, в гостях, на лестницах, в лифтах – всюду он читал все новые, только что появившиеся в печати стихи.

Я встретил девушку
С печальными глазами,
С глазами, как ее вуаль.
И скоро мы под небесами
Постигли трепетную даль.

Бурлюк спрашивал:

– Это откуда? Чьи?

Маяковский снисходительно улыбался:

– А черт его знает. Стихи помню, а фамилия какая-то гнусавая – вроде Бальмонто или Монте-Карло.

Конечно, он прекрасно помнил фамилию автора этих стихов. Он без труда запоминал не только нужные ему факты, но и случайно попавшиеся номера телефонов, газетные объяв-

ления, адреса каких-то торговых фирм. Стихов же он помнил множество. Цитировать предпочитал вещи из нашего поэтического арсенала.

Давид Давидович Бурлюк:

Память его была разительной, теперь я изумляюсь ей. Часто на литературных вечерах какой-либо автор забудет на эстраде свои стихи, а Маяковский, болтающийся среди публики, рявкнувшей строчкой подсуфлирует, поддержит, подопрет бревном падающую стенку памяти. Многие поэты не помнят своих стихов. До 1918 года Маяковский умудрялся читать на память до 6000 строк из своих стихотворений.

Василий Васильевич Каменский:

Он цитировал стаями, будто голубей гонял, стихотворные разлеты футуристических мастеров поэзии.

Лили Юрьевна Брик:

Маяковский думал, чувствовал, горевал, возмущался, радовался стихом – своим, чужим ли. <...>

Чужие стихи Маяковский читал постоянно, по самым разнообразным поводам.

Иногда те, которые ему особенно нравились: «Свиданье» Лермонтова, «Незнакомку» Блока, «На острове Эзеле», «Бобэоби», «Крылышка золотописьмом» Хлебникова, «Гренаду» Светлова, без конца Пастернака.

Иногда особенно плохие: «Я – пролетарская пушка, стреляю туда и сюда».

Иногда нужные ему для полемики примеры того, как надо или как нельзя писать стихи: «Смехачи» Хлебникова, в противовес: «Чуждый чарам черный челн» Бальмонта.

Чаще же всего те, которые передавали в данную минуту, час, дни, месяцы его собственное настроение.

В разное время он читал разное, но были стихи, которые возвращались к нему постоянно, как «Незнакомка» или многие стихи Пастернака.

Часто легко понять, о чем он думает, по тому, что он повторял без конца. Я знала, что он ревнует, если твердил с утра до ночи – за едой, на ходу на улице, во время карточной игры, посреди разговора:

Я знаю, чем утешенный
По звонкой мостовой
Вчера скакал как бешеный
Татарин молодой.

(Лермонтов, «Свиданье»)

Или же напевал на мотив собственного сочинения:

Дорогой и дорогая,
дорогие оба.
Дорогая дорогого
довела до гроба.

Можно было не сомневаться, что он обижен, если декламировал:

Столько просьб у любимой всегда!
У разлюбленной просьб не бывает...

(Ахматова)

Он, конечно, бывал влюблен, когда вслух убеждал самого себя:

...О, погоди,
Это ведь может со всяким случиться!

(Пастернак, «Сложась весла»)

Или умолял:

«Расскажи, как тебя целуют,
Расскажи, как целуешь ты».

(Ахматова, «Гость»)

<...>

Он часто переделывал чужие стихи. Ему не нравилось «век уж мой измерен», звучащий, как «векуш», и он читал эту строку по-своему.

Помогая мне надеть пальто, он декламировал:

На кудри милой головы
Я шаль зеленую накинул,
Я пред Венерою Невы
Толпу влюбленную раздвинул.

(Пушкин, «Евгений Онегин»)

<...> О гостях, которые ушли, он говорил: «Зарылись в океан и в ночь».

«Никогда не забуду (он был, или не был, этот вечер)», – тревожно повторял он по сто раз. <...>

Маяковский не только читал чужие стихи – он переделывал, нарочно перевирал их. Он непрерывно орудовал стихами – именно чужими, не своими. Себя он почти никогда не цитировал. Свои стихи он бормотал и читал отрывками, когда сочинял их; или же торжественно декламировал только что написанные.

Рита Райт:

Он замечательно запоминал, – и очень любил повторять, – «вкусные» кусочки стихов, песенок, даже не вникая в смысл. Помню, как, приехав из Америки, он требовал, чтоб я перевела ему «привязавшиеся» строки какого-то фокстрота, которые в его передаче звучали так:

Хат Хардет Хена
Ди вемп оф совена
Ди вемп оф совена
Джи-эй⁴

⁴ Это транскрипция самого Маяковского. В статье «Как делать стихи» он писал об этих строчках: «Есть нравящийся мне разговор какой-то американской песенки, еще требующей изменения и русифицирования». – Примеч. Р. Райт.

Я никак не могла понять, что это значит. И только совсем недавно, прочтя эти строчки по-английски... я сразу услышала знакомый голос, который отбивал их, как чечетку, а потом трунил надо мной:

– Ага, оказывается, вы по-американски ни в зуб ногой!

Как же мне могло прийти в голову, что Маяковский, очевидно поймав эти строчки на слух, в исполнении какого-нибудь джаза, повторял их с явно негритянским акцентом? Не мудрено, что в таком виде я не смогла узнать «жестокую Ханну, пожирательницу сердец из Саванны».

Лили Юрьевна Брик. *В записи Григория Израилевича Полякова:*

Вообще хорошо запоминал только то, что его интересовало.

Сергей Сергеевич Медведев:

Маяковский, по его словам, прочитал <...> «[Марксистский] Календарь» один или два раза, но он знал его буквально наизусть. Память у него была совершенно исключительная. Все статистические данные, которые там приводились, он знал назубок, и, когда нам, пропагандистам, требовалась какая-нибудь цифра, он моментально ее подсказывал.

Владимир Владимирович Маяковский. *«Я сам»:*

Бурлюк говорил: у Маяковского память, что дорога в Полтаве, – каждый галошу оставит. Но лица и даты не запоминаю. Помню только, что в 1100 году куда-то переселялись какие-то «доряне». Подробностей этого дела не помню, но, должно быть, дело серьезное. Запоминать же – «Сие написано 2 мая. Павловск. Фонтаны» – дело вовсе мелкое. Поэтому свободно плаваю по своей хронологии.

Николай Иванович Хлестов:

Он обладал какой-то необычной наблюдательностью, особой зоркостью: умел видеть, слышать и запоминать то, мимо чего другие проходили. Обязательно что-нибудь зарисует, запомнит какой-нибудь интересный разговор, остроумное выражение. Память у него была поразительная. Из каждой прогулки он обязательно выносил какое-нибудь интересное наблюдение, яркое впечатление.

Василий Абгарович Катанян:

Игра в ма-джонг вдвоем очень быстрая. Мы шлепаем камень за камнем, и вдруг Маяковский вскакивает с постели, бросается к двери, распаивает ее и начинает кричать на Безыменского, который сидит в столовой и разговаривает с Осипом Максимовичем. Помню, что в это время происходил съезд пролетарских писателей, и вот после одного из заседаний несколько товарищей вместе с О. М. зашли к ним. Что и по какому поводу кричал тогда Маяковский, совершенно не помню. Не помню, вероятно, потому, что ничего не слышал из того, что говорилось за закрытой дверью в столовой. А он все слышал... Слушал и злился. Играть в ма-джонг, держа в уме Безыменского, – ему пришлось потом долго отыгрываться!..

Сергей Дмитриевич Спасский:

До последнего момента Маяковский весь принадлежал настоящему – данному дню, текущим интересам, своей эпохе. Он не заботился о будущем. Ему не хватало для этого времени. Он был перегружен повседневной работой. Он презирал посмертную славу. Ему были смешны где-то поджидающие его бронзы и мраморы.

Полемист

Алексей Елисеевич Крученых:

Он моментально отвечал и попадал всегда в лоб. Промахов не делал. Он был снайпером остроумия.

Александр Вильямович Февральский:

Маяковский любил и умел, ничуть не снижая идейной содержательности своих выступлений, облекать их в веселую форму. Он был чрезвычайно находчив, и остроты его, будь то уничтожающие издевки над врагами или просто шутки, метко попадали в цель. Здесь сказалось мастерство поэта, привыкшего постоянно работать над речевым материалом, изыскивать различные способы словесной выразительности.

Василий Абгарович Катанян:

В ходе разговора, когда Маяковский напал на молодых поэтов, пишущих лирические стихи, Бухарин примирительно остановил его:

– В конце концов, чего вы от них хотите, Владимир Владимирович! Просто у молодых людей есть яйца...

– Ну, конечно, есть, – согласился Маяковский. – Плохо только, когда они больше головы.

Наталья Александровна Брюханенко:

Как-то Маяковский публично ругал писателя Зозулю. Выступал поэт Жаров и сказал, что это недопустимо, что нельзя задевать личности... Маяковский оборвал его:

– Зозуля не личность, а явление.

А однажды, сейчас же после Сельвинского, выступала Вера Инбер. Маяковский, махнув рукой, сказал:

– Ну, это одного поля ягодица.

Гуго Гупперт:

Меня всегда поражала молниеносность его великолепных, метких ответов. Никогда я не видал, чтобы он, выйдя из себя, разил обидчика его же оружием. Правда, он мог крепко, подчас даже грубо, парировать какой-нибудь личный выпад, но всегда с непревзойденной меткостью, без злобы. Маяковский целил в глупость или наглость, которые надо было отбить, а не в личность своего противника. И хотя его удар мог показаться несдержанным, он никогда не переходил какой-то внутренней границы пристойности. <...>

И в частной беседе он оставался полемистом, но спорил не зло, без ненависти. Самый робкий собеседник через пять минут терял всякий страх, не боясь обнаружить свою слабость, – смех Маяковского в личном общении был чаще доброжелательным, человеческим, мягким. Смертоносную шутку, сарказм – это грозное оружие классового борца – Маяковский пускал в ход только тогда, когда на это вызывал его политический противник. Он ненавидел беспредметную самодовольную манеру играть остротами, как шпагой, – удел присяжных остряков.

Алексей Елисеевич Крученых:

Из публики проталкивается на эстраду толстый маленький человечек типа старого народника. Он клеймит Маяковского:

– Так нельзя, товарищ, вы такой гениальный поэт, а разговариваете так грубо с публикой. Все «я» да «я», разве вы не знаете, что от великого до смешного – один шаг?

Маяковский глазами измерил расстояние между собой и им и отвечает:

– А по-моему, даже меньше. <...>

На каком-то диспуте во время длинной речи оппонента часть публики кричала: «Просим», другая: «Довольно». Тогда Маяковский поднялся и сказал: «Я всех примирю!» – и, обращаясь к оппоненту: – «Просим, довольно!», и затем произнес свою речь.

Василий Абгарович Катанян:

Был в Москве один молодой «типаж» из так называемых около-литературных людей. Фамилия его была, скажем, Мерлович. Он аккуратно являлся на все вечера Маяковского, занимал место в первых рядах и вел себя буйно-активно.

Если в программе вечера были прения, он выступал в прениях и «громил» Маяковского в меру своего тщедушия. Если прений не полагалось, он бесновался с места, подавал ехидные реплики, жестикулировал, писал записки и т. д.

Сначала Маяковский удивлялся и сердился, спорил с ним, всерьез парируя его выпады по всем правилам ораторского фехтования. Потом привык и вполне добродушно принимал его как знакомую пристреленную мишень для остроумия.

Появляясь на эстраде, раскладывая на столе портфель, оглядывая зал, Маяковский искал во втором или третьем ряду знакомую фигуру.

– Мерлович здесь? Ну, можно начинать...

Однажды, когда Мерлович особо долго разорвался в прениях, доказывая, что Маяковский «плохой» поэт, через каждые три слова повторяя «с моей точки зрения», «моя точка зрения», Маяковский остановил его почти ласковым жестом:

– Где эта ваша точка зрения? Покажите мне ее!..

Мерлович застыл в недоумении.

– ...я хочу на нее плюнуть. <...>

Во время одного выступления Маяковский сказал как-то, что он сейчас перечитывает классиков марксизма – Маркса, Ленина. Кто-то крикнул ему с места:

– Ага, Маяковский за ум взялся...

Маяковский посмотрел на крикнувшего с сожалением:

– Ну, хорошо, я за ум взялся, а вы за какое место возьметесь, если придет надобность? <...>

Во время одного из выступлений в Америке, рассказывая об агитационной работе советских поэтов, Маяковский упомянул о своей агитке, написанной по заданию треста Моссуко: «Ткачи и пряхи, пора нам перестать верить заграничным баранам».

На следующем вечере ему прислали записку из публики:

– А правда, что вы по приказу правительства пишете о баранах?

– Правда, – ответил Маяковский. – Лучше по приказу умного правительства писать о баранах, чем по приказу баранов о глупом правительстве. <...>

Но, конечно, бывали такие психологические состояния, когда «кажется, уехать бы куда-нибудь и просидеть года два, чтоб только ругни не слышать», тогда ядовитые записки настигали его, и он грубо спрашивал:

– Каким местом вы думали, когда задавали мне этот вопрос?

– Головой.

– Ну и садитесь на эту голову...

Лев Абрамович Кассиль:

«Маяковский, вы сказали, что должны время от времени смывать с себя налипшие традиции и навыки, а раз вам надо умываться, значит, вы грязный...»

– А вы не умываетесь и думаете поэтому, что вы чистый?

Наталья Александровна Брюханенко:

- Это неприлично подтягивать штаны перед публикой! – кричит кто-то.
- А разве приличнее, чтоб они у меня упали? – спрашивает Маяковский.

Лев Абрамович Кассиль:

- «Ваши стихи слишком злободневны. Они завтра умрут. Вас самого забудут. Бессмертие – не ваш удел...»
- А вы зайдите через тысячу лет, там поговорим!

Барвара Федоровна Степанова (1894–1958), художник, график, театральная оформитель. Жена А. Родченко. Входила в группу ЛЕФ:

Один маленький «ничевок» в пенсне выступил на юбилейном вечере Маяковского с речью, что Маяковский умер; тогда Володя встает во весь свой рост, вытягивается, стоит некоторое время и садится – гром аплодисментов. <...>

Договоривши речь, «ничевок» поздравляет Маяковского, как новопредставленного покойника, и протягивает ему руку... Маяковский встает, жмет ему руку и не выпускает ее; тот старается выдернуть руку под грохот всей аудитории, но ничего не выходит... наконец, Маяковский выпускает руку и хлопает «ничевока» по заду под овации аудитории. Но надо быть В. Маяковским, чтоб такие штуки проделывать.

В. Олейников, слушатель на выступлении В. Маяковского:

- Из ложи бенуара раздался визгливый голос:
- Маяковский, ваши стихи неприятно слушать, хочется уйти с вечера!
- Поэт пожал плечами:
- О качестве моих стихов мне говорить неудобно, но знаю, что с моих вечеров еще никто не уходил!
- В это время раздался шум отодвинутого стула, и в ложе хлопнула дверь.
- Видите, Маяковский, все же уходят! – несется из ложи.
- Но товарищ же не ушел, он убежал от меня! – отпарировал Владимир Владимирович.

Александр Вильямович Февральский:

Речь Маяковского отличалась необыкновенной живостью и непосредственностью. В его выступлениях встречались и реплики, связанные с тем или иным движением в аудитории, и фразы или слова, связанные с каким-то действием самого Маяковского. Вот почему в стенограммах выступлений поэта попадаются отдельные места, непонятные без выяснения конкретной обстановки данного вечера. Так, текст выступления Маяковского 3 января 1927 года на диспуте о постановке «Ревизора» в Государственном театре имени Вс. Мейерхольда начинается в стенограмме ремаркой «Смех» и словами: «Товарищи, почему вы ржете? Подождите». Дело вот в чем: Маяковский вышел на авансцену, перешагнув через стул. Необычным, резким движением он подчеркнул свой рост и в то же время свое намерение «расправиться» с предыдущим оратором (профессором Сретенским из Ростова-на-Дону), так как был решительно не согласен с только что высказанной им точкой зрения. Комический оттенок, который Маяковский придал своему выходу, вызвал смех в зале. Отсюда и реплика о «ржанье».

Вероника Витольдовна Полонская:

На диспутах он всегда был очень остер, блестящ, дерзок. Но все это мне казалось чуть-чуть показным. Он даже одевался умышленно небрежно для этих диспутов, как будто хотел

выглядеть неряшливым, хотя в жизни был педантично аккуратен и в одежде, и в квартире. Тут он специально небрежно завязывал галстук и ходил огромными шагами, больше обыкновенных.

Когда я сидела в зрительном зале и смотрела на него, я не узнавала Владимира Владимировича, такого простого и деликатного в жизни. Здесь он, казалось, надевал на себя маску, играл того Маяковского, каким его представляли себе посторонние.

И мне казалось, что цель его была не в желании донести свои произведения, а скорей – в финальной части диспута, когда он с такой легкостью и блеском уничтожал, осмеивал, крушил своих противников.

Тут Маяковский не задумывался о критике, не прислушивался к ней, а путем самого жестокого нападения на выступавших опровергал эту критику.

Владимир Владимирович не всегда отвечал по существу. Он острым своим глазом, увидя смешное в человеке, который выступал против него, убивал противника метким определением сразу, наповал. Обаяние Маяковского, его юмор и талант привлекали на его сторону всех, даже если Маяковский был неправ.

Остролов

Вадим Габриэлевич Шершеневич:

Маяковский раздирался в остроумии. Диспуты с его участием превратились в отдельные выпуски «Сатирикона», в котором он, между прочим, усиленно печатался. Этот налет сатириконства остался в его стихах до смерти поэта. Прозаизмы и остроты не слишком высокого качества запутались в рифмах.

Корнелий Люцианович Зелинский:

Как опытный выступальщик, Маяковский всегда имел в запасе несколько острот. Они действовали безошибочно, вызывая громыхание и даже реготание.

Василий Абгарович Катанян:

Во время доклада на сцену, по рядам, передаются записки. Какая-то услужливая девушка из первого ряда каждый раз лезет на эстраду и передает записку Маяковскому. Это мешает. Маяковский любезно говорит девушке:

– Кладите их на рояль в оркестре. Когда он наполнится, я их потом вместе с роялем возьму...

После доклада и чтения стихов он отвечает на вопросы, перебирая ворох записок. Из зала кричат:

– Не выбирайте! Отвечайте на все подряд...

Маяковский посмотрел на крикнувшего.

– Ищу жемчужных зерен... Записок сотни.

И серьезные, и шуточные, и задиристые, и просто глупые.

– Почему вы назвали свое детище «Хорошо»?

– А как мне его назвать, – Петей, что ли?

На вечере в Харькове какой-то студент прислал ему такую записку:

– А наш профессор на рабфаке говорит, что вы примазались к советской власти...

Это было далеко не жемчужное зерно, но Маяковский прочел записку вслух.

– Не я примазался к советской власти, а ваш профессор примазался к рабфаку.

А. Егармин, слушатель на выступлении В. Маяковского в Свердловске в 1928 г.:

Зажав большую пачку записок в руке, Маяковский шутил:

– А на эти вопросы сейчас сразу дать ответ не смогу, надо подумать. Приходите за ответом через сто лет...

Зал снова разражается смехом, гремят аплодисменты.

Наталья Александровна Брюханенко:

Однажды в Ялте, в городском саду, Маяковский выступал на открытой сцене. Рядом шумело море. Вдруг поднялся сильный ветер, срывая листья с деревьев, закружил их по эстраде и разметал бумажки на столе.

– Представление идет в пышных декорациях, – торжественно сказал Маяковский. – А вы говорите – билеты дорогие!

Александр Вильямович Февральский:

Маяковский любил шутить. В отличие от разящих острот, которыми он стрелял с эстрады, его шутки о повседневной обстановке были веселыми и мягкими.

Василий Васильевич Катанян (1924–1999), кинорежиссер документального кино, мемуарист, наследник архива Л. Ю. Брик. Сын Г. Д. и В. А. Катанянов:

У молодого Маяковского не было своей бритвы, и он часто одалживал ее у соседей. Соседи были молодые люди, а у них была мама.

Маме это надоело, и однажды, когда Маяковский опять постучался за бритвой, она многозначительно ему отказала:

– Бритва занята. И до-о-олго будет занята.

– Понимаю... – так же многозначительно ответил Маяковский. – Слона бреете...

Лев Федорович Жегин:

Наши профессора (в Школе живописи. – Сост.) довольно безобидный и совершенно безличный старичок Милорадович и Касаткин, считавшийся «грозою» учеников, требовавший точного рисунка и знания анатомии, делали вид, что не замечают новаторских попыток Маяковского, и даже похваливали его за колорит и ставили ему удовлетворительные отметки, кажется немного его побаиваясь.

Маяковский подтрунивал над обоими, бормоча им вслед: Косорадович и Милорадкин.

Александр Вильямович Февральский:

Помню две его остроты на театральных диспутах 1921–1922 годов. Говоря о постановке в Камерном театре «Ромео и Джульетты», Маяковский предложил называть ее сокращенно «Ридж». А когда обсуждалась неудачная деятельность драматургической организации «Масткомдрама», во главе которой стоял Д. Н. Бассальго, Маяковский перетасовал название учреждения с фамилией его руководителя, – получилось: Бассодрама и Маскодрыга.

Петр Васильевич Незнамов:

Цитируя образчики стихов из «Перевала», он их называл «не образчиками, а дикобразчиками».

Критика Роскина, одно время что-то делавшего в Наркомпросе, он перекрестил в «Наркомпроскина».

И еще он говорил:

– В критике сплошные ненужности: лишний Вешнев и важный Лежнев.

Петр Васильевич Незнамов:

Надо мной он однажды пошутил:

– Не верю я, что вы сибиряк: напора нет! Вы, наверное, мамин сибиряк? мамочкин?

За картами своему партнеру он заметил:

– Вот случай, когда два враждебных лагеря не противостоят, а противосидят друг другу.

Когда ему несколько юмористически рассказывали, как тащился от города к городу, на манер грузовика, одноглазый Бурлюк, он, не улыбнувшись, промолвил:

– Бедный Додя, через всю Сибирь – и с одним фонарем!

Вера Николаевна Агачева-Нанейшвили, двоюродная сестра В. Маяковского:

Мы подъехали к Большому театру, как помню, он предложил нам послушать «Евгения Онегина». Закурив папироску, неторопливо подошел к кассе и в шутилом тоне сказал:

– Дайте, пожалуйста, два ложных билета. А затем, получив билеты, спросил:

– А они действительно?

Анатолий Борисович Мариенгоф (1897–1962), поэт, драматург, мемуарист. Один из основателей имажинизма:

Вот мы с Никритиной сидим ночью в Литературно-художественном кружке, который тогда помещался в особняке какого-то бывшего посольства, почти насупротив нашей Богословской квартиры.

Подходит Маяковский:

– Можно присесть?

– Пожалуйста, Владимир Владимирович, – радушно приглашает Никритина. Я придвигаю третий стул. <...>

Маяковский берет карточку с дежурными блюдами и мрачно читает ее, словно это извещение о смерти близкого человека.

Мне подают на закуску великолепный телячий студень с хреном в сметане.

Маяковский переводит на студень тяжелый взгляд и спрашивает:

– Вы, значит, собираетесь умывальником закусывать?

Я отвечаю коротко:

– Да.

Студень действительно похож на мраморный умывальник, из которого я мылся в детстве. Образ точный. Но закусывать умывальником невкусно.

Юрий Карлович Олеша:

Едим раков. Когда снимаешь с них их покрытие, то и дело укальываешься, и Маяковский говорит метрдотелю:

– Хоть бы вы им маникюр сделали, что ли.

Василий Абгарович Катанян:

А то раздавался звонок:

– Приезжайте! Покера не будет. Будут Семка и Клава. И дикая просьба – купите по дороге что-нибудь. В доме нет ничего. Белого вина. И что найдется. Побольше...

Помню, почему-то в магазине на Разгуляе, куда я зашел, были одни сиги. Побольше, так побольше. Маяковский очень удивлялся, разворачивая пакеты.

– Опять сиг? И это сиг?! Sic transit...

Лили Юрьевна Брик:

За табль д'отом мы сидели в одном конце длинного стола. А в другом конце сидела пышная блондинка. Вдруг блондинка исчезла, а на ее месте оказалась очень некрасивая худая старуха. Володя взялся за ложку есть суп, поднял глаза на визави и испуганно прошептал: «Где стол был яств, там гроб стоит».

Александр Вильямович Февральский:

Собираясь провести отпуск в Петрограде, я зашел однажды к Керженцеву, который только что вернулся оттуда. <...> У Керженцева я застал Маяковского. Шла беседа о жизни Питера в советское время, о новых культурных начинаниях, и я спросил Керженцева: «Что особенно интересно в Петрограде?» Маяковский совершенно серьезным тоном ответил мне за Керженцева: «Исаакиевский собор посмотрите. Очень интересно».

Эльза Триоле:

Веселые, идем гурьбой по бульвару Монпарнас, отчего-то прямо по мостовой. Володя острит, проверяя на нас свое остроумие. Он весь день провел с одной девушкой, Женей, и ему ни разу не удалось ее рассмешить! И это начинало его беспокоить, не выдохся ли

он, не в нем ли тут дело? Рассказывает, как он с Женей катался по Парижу и как, проезжая мимо Триумфальной арки, она его спросила, что это за огонь горит над аркой? «Парижанин» Володя объяснил ей, что то – неугасимая лампада на могиле Неизвестного солдата. Но Женя, привыкшая к тому, что Володя шутник, презрительно ответила: «Никогда не поверю, чтобы из-за одного солдата такую арку построили». Мы все уже обессилели от смеха, а Володя рассказывает еще про то да про это.

Василий Васильевич Катанян:

От Лоредо до Нью-Йорка четверо суток курьерским. 31 июля Маяковский приехал в Нью-Йорк.

Ввалившись в гостиницу, он позвонил Бурлюку:

- Говорит Маяковский.
- Здравствуй, Володя. Как ты поживаешь? – ответил голос Бурлюка.
- Спасибо. За последние десять лет у меня был как-то насморк...

Александр Вильямович Февральский:

В порядке обновления языка Маяковский предлагал переделывать пословицы. То он менял слова: «В тесноте да не пообедали». То соединял две пословицы в одну, – из пословиц «Не плюй в колодец, пригодится воды напиться» и «Слово не воробей, вылетит – не поймаешь» неожиданно получалось: «Не плюй в колодец, вылетит – не поймаешь». Если какой-нибудь слушатель не сразу воспринимал остроту, Маяковский говорил: «Его смешишь во вторник, а он смеется в пятницу».

Иннокентий Александрович Оксенов (1897–1942), поэт, переводчик, критик:

Запомнилась <...> его интонация, которая была обратной содержанию его слов: серьезным тоном отпускал он шутку и, наоборот, шутливо-иронически говорил о стихах и других достойных внимания вещах.

Василий Абгарович Катанян:

Когда гости уходят, Маяковский нравоучительно, «как старший товарищ, неглупый и чуткий», говорит мне:

– Первое дело: если вы придумали что-нибудь смешное, никогда не гогочите, рассказывая. Отходитесь всласть дома, а на люди выходите с каменным лицом, не проронив улыбки. И благодарные люди вознаградят вас самым сочным смехом.

Особенности поведения, манеры, привычки

Лили Юрьевна Брик. *В записи Григория Израилевича Полякова:*

Мимика однообразная и небогатая, но очень выразительная. Было несколько выражений.

Временами немного красовался собой, мог стать в позу. <...>

Был неуклюж. Движения были порывистые, резкие, угловатые, размашистые, «шумные». <...>

Улыбался нечасто. Смеялся заливаясь, лицо при этом сильно искажалось. Весь трясся и как бы давился от смеха. Смех носил «нервный», с истерическим оттенком характер. Наиболее характерное выражение лица было несколько напряженное, нахмуренное, внимательное, пристальное, с оттенком самоуглубленности, как это видно и на его фотографиях.

Как мимика, так и жестикуляция всегда имели на себе характерный для всего облика М. отпечаток порывистости, резкости, размашистости, и в этом отношении их можно назвать однообразными.

<...> Был свойственен взгляд несколько в сторону. «Была страшная сила взгляда». В глазах чувствовалось сильное напряжение. Очень охотно жестикулировал ртом и массивной нижней челюстью, перекачивал папиросу из одного угла рта в другой. Очень сильная складка бровей.

Лев Абрамович Кассиль. *В записи Григория Израилевича Полякова:*

Была привычка щелкать зубами.

Лев Вениаминович Никулин:

Он выговаривает слова негромко и медленно, но эта медлительность вдруг может обратиться в стремительность и легкость. В его видимом наружном спокойствии – нервность и сокрушительный темперамент. Он может быть грубым, но когда он с вами говорит ласково и по-приятельски, он делает с вами, что хочет.

Лили Юрьевна Брик:

Родительный и винительный падежи он, когда бывал в хорошем настроении, часто образовывал так: кошков, собаков, деньгов, глупостев.

Василий Абгарович Катанян:

Улыбки разные и все добрые. Злых, насмешливых, издевательских улыбок у него не было. Если уж он злился, ему не до улыбок. Тогда большой одухотворенный рот выражал это чувство очень настойчиво. Нижняя челюсть приобретала резкий угол, выдвигалась вперед. Почти свирепо. Глаза – то что называется сверкали.

Петр Васильевич Незнамов:

Никогда не забуду его позы, когда он, взяв со стола Брика какой-то журнальчик, процитировал и сатирически растерзал продукцию нескольких петроградских пролет-поэтов. Он стоял и, высоко держа книжку в раскрытом виде тремя пальцами правой руки, яростно потрясал ею в воздухе и при этом как бы наступал на слушателей, выкрикивая свои гневные оценки.

Лев Абрамович Кассиль:

От грохота его гнева, от бодрящей, но крепкой встряски его шуток укрыться невозможно. <...>

Однажды по просьбе и наущению редактора одного ведомственного малоизвестного журнала, ютившегося на Солянке и называвшегося как будто «За рыбо-мясо-хладо-овощ» или вроде этого, я наспех написал очерк. Очерк получился откровенно плохой, так как я абсолютно ничего не понимал ни в рыбе, ни в мясе, ни в хладе, ни в овощах. Однако времени для того, чтобы переписать, уже не было. Я понес очерк в журнал, утешая себя по молодости лет тем, что этот журнал никто, кроме редактора и автора, по-видимому, не читает. На всякий случай я все-таки решил не подписываться полностью, а благоразумно укрылся за инициалами: «Л. К.». Но вот через несколько дней после выхода журнала я иду по Таганской площади. А далеко на противоположной стороне вдруг замечаю Маяковского, шагающего навстречу. Вид у Владимира Владимировича такой, что у меня сразу пропадает всякая охота попадаться ему на глаза. Я делаю попытку отрулить за угол, но Маяковский уже приметил меня.

– Стой-те!!! – гремит он.

А голос у него такой, что останавливаюсь не только я. Замерли все, кто проезжал или проходил в ту минуту через площадь. Завизжали тормоза осаженных машин, посыпались искры из-под дуги застопоренного трамвая, и вожатый высунулся с площадки, чтобы узнать, в чем дело. Не обращая ни на кого внимания, Маяковский направляется через площадь ко мне.

– Боже ж мой, какую дрянь написал! – громогласно возвещает он на всю Таганку и ее окрестности, потрясая при этом поднятой над головой тростью. – Какая чистейшая халтура! И сам ведь знает, что халтуру накропал. Не подписался же полностью, а прикнутил две буквы, как к галошам, чтобы не спутали: «Лы-Ка... Лы-Ка...» А я из вас этого «лыка» понадергаю...

Вокруг меня уже собираются любопытные. Я стою растерянный, готовый провалиться сквозь тротуар, ожидая, что вот-вот под моими подошвами начнет плавиться асфальт. Стараюсь показать приближающемуся Маяковскому глазами, что неуместно меня бранить тут при всем народе...

– Он стесняется! – невозможным своим басом произносит Маяковский, показывая на меня в упор. – А что же вы в журнале не стеснялись? Тут всего человек десять – двенадцать, а там тираж десять тысяч. Вот там бы не мешало бы и постесняться.

Я совершенно посрамлен и убит. Но Маяковский подходит ко мне вплотную. Громадным своим плечом он отгораживает меня от всего публичного срама. Потом, как это он любил делать, сгибом локтя он легонько стискивает мою голову за затылком, слегка пригибая к себе, и говорит сверху, добродушно потупившись:

– Ну, бог с вами, Кассильчик... Идемте ко мне домой обедать. Я вас по дороге еще доругаю.

Николай Николаевич Асеев:

В гневе я видел его по-настоящему один только раз.

Мы с ним выполняли плакаты с подписями, кажется, по охране труда. Работа была ответственная, сроки подходили к окончанию. Наконец, окончив все, проверив яркость красок и звучность текстов, мы, радостные, пошли сдавать заказ в учреждение. Но учреждение отнюдь не обрадовалось нам. Там сидел тот самый индивидуум, который послужил позже Маяковскому моделью для изображения главначпуса в «Бане». Толстенный и важный, он заседал с таким азартом во всевозможных комиссиях, что добиться приема у него не было возможно. Мы ходили трое суток, дежуря в приемной по многу часов. Дождаться приема не смогли.

Тогда Маяковский, чувствуя, что запаздываем со сдачей материала, прорвался к нему в кабинет сквозь вопли дежурной секретарши, ведя меня на буксире. Главначпус был воз-

муштен при виде вторгшегося Маяковского, у которого в одной руке была палка под мышкой, а в другой свернутые в трубку плакаты; за ним следовал я. Главначпулс поднялся с кресла во всем своем величии, которому, правда, не хватало роста.

– Маяковский! Что это вы себе позволяете?! Здесь вам не Политехнический музей, чтобы врываться без разрешения!

Он был пунцов от раздражения, он грозил Маяковскому коротеньким пухлым пальцем, всей фигуркой выражая негодование. А тут еще секретарша сбоку старалась выгородить себя, вопя, что Маяковский поднял ее за локти и отставил в сторону от защищаемой ею двери начальства.

Начальство свирепело все больше. Что-то вроде «позвольте вам выйти вон», с указующим перстом на выходные двери.

Маяковский вдруг внезапно положил трость на письменный стол, снял шапку с головы, положил плакаты на кресло и, опершись ладонями о стол, начал с тихой, почти интимной, воркующей интонацией:

– Если вы, дорогой товарищ...

Громче и скандируя:

– ...позвольте себе еще раз...

Еще громче и раздельнее:

– ...помахивать на меня вашими пальчиками!

Убедительно и почти сочувственно:

– То я!

оборву вам эти пальчики!!

вложу в порт-букет!!!

Со страшной силой убедительности и переходя на наивысшие ноты:

– и пошлю их на дом вашей жене!!!

Эхо раскатов голоса Маяковского заставило продребезжать стекла. Начальство по мере повышения голосовой силы, как бы пригибающей к земле, начало опускаться в свое кресло, ошарашенное и самым гулом голоса, и смыслом сказанного.

Результат был неожиданным.

– Маяковский, да чего вы волнуетесь! Ну что там у вас? Давайте разберемся!

Плакаты были просмотрены и утверждены за десять минут.

Анатолий Борисович Мариенгоф:

Госиздат.

Маяковский стоит перед конторкой главного бухгалтера, заложив руки в карманы и широко, как козлы, расставив ноги:

– Товарищ главбух, я в четвертый раз прихожу к вам за деньгами, которые мне следует получить за мою работу.

– В пятницу, товарищ Маяковский. В следующую пятницу прошу пожаловать.

– Товарищ главбух, никаких следующих пятниц не будет. Никаких пятых пятниц, никаких шестых пятниц, никаких седьмых пятниц не будет. Ясно?

– Но поймите, товарищ Маяковский, в кассе нет ни одной копейки.

– Товарищ главбух, я вас спрашиваю в последний раз...

Главный бухгалтер перебивает:

– На нет и суда нет, товарищ Маяковский!

Тогда Маяковский неторопливо снимает пиджак, вешает его на желтую спинку канцелярского стула и засучивает рукава шелковой рубашки.

Главный бухгалтер с ужасом смотрит на его большие руки, на мощную фигуру, на неулыбающееся лицо с массивными челюстями, на темные, глядящие исподлобья глаза,

похожие на чугунные гири в бакалейной лавке. «Вероятно, будет меня бить», – решает главный бухгалтер. Ах, кто из нас, грешных, не знает главбухов? Они готовы и собственной жизнью рискнуть, лишь бы человека помучить.

Маяковский медленно подходит к конторке, продолжая засучивать правый рукав.

«Ну вот, сейчас и влепит по морде», – думает главный бухгалтер, прикрывая щеки хилыми безволосыми руками.

– Товарищ главбух, я сейчас здесь, в вашем уважаемом кабинете, буду танцевать чечетку, – с мрачной серьезностью предупреждает Маяковский. – Буду ее танцевать до тех пор, пока вы сами, лично не принесете мне сюда всех денег, которые мне полагается получить за мою работу.

Главный бухгалтер облегченно вздыхает: «Не бьет, слава богу».

И, опустив безволосые руки на аккуратные кипы бумаг, произносит голосом говорящей рыбы:

– Милости прошу, товарищ Маяковский, в следующую пятницу от трех до пяти.

Маяковский выходит на середину кабинета, подтягивает ремень на брюках и: тук-тук-тук... тук-тук... тук-тук-тук... тук-тук.

Машинистка, стриженная, как новобранец (вероятно, после сыпного тифа), шмыгнув носом, выскакивает за дверь.

Тук-тук-тук... тук-тук... тук-тук-тук... тук-тук...

Весь Госиздат бежит в кабинет главного бухгалтера смотреть, как танцует Маяковский.

Паркетный пол трясется под грузными тупоносыми башмаками, похожими на футбольные бутсы. На конторке и на желтых тонконогих столиках, звеня, прыгают электрические лампы под зелеными абажурами. Из стеклянных чернильниц выплескивается фиолетовая и красная жидкость. Стонут в окнах запыленные стекла.

Маяковский отбивает чечетку сурово-трагически. Челюсти сжаты. Глядит в потолок.

Тук-тук-тук... тук-тук-тук...

Никому не смешно. Даже пуговоносому мальчугану-курьеру, который, вразлад со всем Госиздатом, имеет приятное обыкновение улыбнуться, говоря: «Добрый день!» или «Всего хорошего!».

Через несколько минут главный бухгалтер принес Маяковскому все деньги. Они были в аккуратных пачках, заклеенных полосками газетной бумаги.

Лев Абрамович Кассиль:

Как-то раз он остановил на улице свободное такси, чтобы ехать домой. Он открыл уже дверцу и характерным жестом, обеими руками берясь за машину, наклонившись, большой, стал как бы нахлобучивать всю машину на себя, надевая через голову, – так нам всегда казалось, когда он влезал в маленький автомобиль...

Вдруг двое молодых людей развязно и категорически потребовали предоставить машину им. Узнав Маяковского, они влезли в лимузин, стали скандалить и для большей убедительности принялись размахивать какими-то «ответственными удостоверениями». Это и взорвало Маяковского, у которого к мандатам никогда почтения не было.

– Я бы охотно уступил им машину, – рассказывал он потом, – черт с ними! Как вдруг они бумажкой этой начали бряцать... Мандаты там какие-то... Понимаете? Раздобыл какую-то бумажку с печатью и уже опьянен ее властью. Подумаешь, ордер на мир! Особый бюрократический алкоголь. От бумажки пьян. Ему уже бумажкой человека убить хочется. Ах, до чего ж я ненавижу эту дрянь!.. Я их пустил в машину. «Садитесь, – говорю, – пожалуйста». Сели. Нагло сели. Я и отвез их в милицию.

Наталья Александровна Брюханенко:

Громко Маяковский говорил только на эстраде. Дома же говорил почти тихо. Никогда громко не смеялся. Чаще всего вместо смеха была улыбка. А когда на выступлениях из публики его просили сказать что-нибудь погромче – он объяснял:

– Я громче не буду, могу всех сдунуть.

Лев Абрамович Кассиль:

Но он сердится, когда дешево и умиленно восторгаются его необыкновенностью, масштабами его фигуры. Как-то он сосет конфету в перерыве после выступления. И какая-то девица – губы бантиком, – подлетев к нему, щебечет:

– Смотрите, как смешно: Маяковский, такой большой, и вдруг сосет такую маленькую конфеточку!

– А вы что же, хотите, чтоб я, по-вашему, тарелки глотал, столы жевал?!

Лев Вениаминович Никулин:

Нельзя передать легкость и своеобразие его диалога, неожиданность интонаций, странного чередования угрюмой сосредоточенности взгляда и жизнерадостности его усмешки.

Иван Васильевич Грузинов:

У Маяковского почти всегда – папироса, характерно зажатая сильным волевым движением выразительных и резко очерченных губ.

Вероника Витольдовна Полонская:

Владимир Владимирович очень много курил, но мог легко бросить курить, так как курил, не затягиваясь. Обычно он закуривал папиросу от папиросы, а когда нервничал, то жевал мундштук...

Наталья Александровна Брюханенко:

Он провожал меня домой. Он шел, как всегда, с толстой палкой. Идет и волочит ее по земле, держа за спиной. Гоняет папиросу из одного угла рта в другой.

Иван Васильевич Грузинов:

Еще один из характерных жестов поэта: руки, опущенные в карманы брюк.

Лев Абрамович Кассиль. В записи Григория Израилевича Полякова:

Всегда таскал с собой кастет, очень любил оружие.

Василий Абгарович Катанян:

Оружие тогда имели все. Все, кто хотел. Трудно ли получить разрешение? Члену партии, кажется, и этого не требовалось, – просто отмечали номер револьвера в партийном билете.

В одну из поездок в Москву в 1926 году я купил в магазине «Динамо» на Лубянке новенький маузер 6,35 (имея разрешение из Тифлиса). Маяковский увидел у меня в гостинице красную коробку и через несколько дней уже показывал мне близнеца, отливающего синевой, с деревянными щечками.

Были у него и другие пистолеты. Был американский Баярд, подаренный ему рабочими Чикаго, был браунинг, о котором в 1928 году, когда обокрали дачу в Пушкине, он телеграфировал Лиле: «Если украли револьвер, удостоверение номер 170, выданное Харьковом, прошу заявить ГПУ...» Револьвер остался цел.

Симон Иванович Чиковани:

Маяковский не любил оставаться один. Кажется, он всегда избегал одиночества, даже в минуты творческого вдохновения и напряженной внутренней работы. Он мог писать стихи в присутствии товарищей, и их разговор или даже шум не мешали ему работать.

Наталья Александровна Брюханенко:

Я приходила, он усаживал меня на диван или за столик за своей спиной, выдавал мне конфеты, яблоки и какую-нибудь книжку, и я часто подолгу так сидела, скучая. Но я не умела сидеть тихо. То говорила что-нибудь, то копалась в книгах, ища, чем бы заняться, иногда спрашивала его:

– Я вам не мешаю?

И он всегда отвечал:

– Нет, помогаете.

Мне кажется, что не так уж именно мое присутствие было ему нужно, когда он работал. Он просто не любил одиночества и, работая, любил, чтоб кто-нибудь находился рядом.

Лев Вениаминович Никулин:

Он любит увлекать с собой людей, водить их за собой, втягивать в орбиту своей сложной, малопонятной жизни, вовлекать их в свои неожиданные маршруты, неизвестно для чего водить их за собой, не отпуская от себя.

Павло Тычина (*Павел Григорьевич; 1891–1967*), украинский поэт:

Я помню его, когда он шел по саду в Алушке летней ранью. Море ждало его! Но Маяковский, шагая к морю, не переставал внимательно наблюдать людей (одни опережали его, другие шли ему навстречу). И я, судя по дружелюбным поворотам головы его, по размахиванию полотенцем, ясно видел: чего-то не хватает Владимиру Владимировичу. Достаточно было бы окликнуть его по имени, и «тринадцатый апостол» современности охотно бы остановился, заговорил. Море голов привык он видеть вокруг себя, постоянно быть на людях, сливаться с массами. А курортником чувствовать себя Маяковскому было, наверно, слишком уж скучно.

Виктор Андроникович Мануйлов:

Он сам признавался, что не умеет отдыхать.

Николай Федорович Денисовский (*1901–1981*), художник, плакатист:

Поразительна его трудоспособность.

В 12 часов ночи мне звонит Маяковский: «Завтра в 9 утра надо сделать двенадцать плакатов Наркомздраву. Приезжайте работать». Я растерялся. Что за срок? Успею ли?

Минут тридцать собирал краски, час ехал до Таганки. За эти полтора часа все темы и подписи были готовы. Маяковский примерно нарисовал и то, что надо было изобразить. Перед этим Маяковский приехал с какого-то выступления, где целый вечер читал стихи.

– Я прилягу на час, полтора, – сказал Маяковский, – вы за это время все сделаете. Если не успеете, то потом помогу я.

Мне не верилось, что удастся сделать за эту ночь хотя бы два плаката, но сознаться было очень стыдно. Встал Маяковский.

– Ну как? Все готово? Ну ничего, сейчас дело пойдет веселее.

И действительно, дело пошло веселее. Указал, что плохо, что хорошо. Опыт у него в этом деле был колоссальный. Скажет, пройдет, шагнет в свою комнату, нагнется к столу, что-то запишет. Спросит, хорошо ли рифмуется то или другое слово, запишет и опять ходит.

Так Маяковский работал. К утру ему еще надо было сдать стихотворение в «Комсомольскую правду».

В восемь часов плакаты были готовы. В девять мы были с Маяковским в Наркомздраве, и он возмущался неаккуратностью сотрудников, которые приходят на работу с опозданием. Заведующий отделом пришел только в половине десятого. Маяковский обрушился на него:

– Что же вы неточны? Плакаты просили вам в девять сдать, а сами еще спите.

Плакаты были все приняты.

Лили Юрьевна Брик:

Если он слышал или появлялись в печати какие-нибудь хорошие новые стихи, он немедленно запоминал их, читал сто раз всем, радовался, хвалил, приводил этого поэта домой, заставлял его читать, требовал, чтобы мы слушали.

Наталья Александровна Брюханенко:

Маяковский купил в вокзальном киоске несколько номеров свежих журналов. Когда мы расположились в вагоне читать и Маяковский увидел у меня Уткина, он спокойно и молча взял у меня из рук книжку и выбросил ее в окно.

Сам он во всех журналах – «Новый мир», «Красная новь» – разрезал, вернее, разрывал пальцем только отдел поэзии, прочитывал стихи и выбрасывал весь журнал в окно, так, как не задумываясь выбрасывают в окно вагона окурки. До дачи мы довели только номер «Нового Лефа».

К газетам у него было иное отношение. Газет он покупал столько экземпляров, сколько было присутствующих, – чтобы никому не ждал.

Эльза Триоле:

Он любил ходить всегда в одно и то же место, как привычный посетитель, садиться за тот же столик и даже есть то же самое.

Вероника Витольдовна Полонская:

Было у него много своих привычек, например, ботинки он надевал, помогая себе вместо рожка – сложенным журналом, хотя был у него и рожок. В своей комнате были у Владимира Владимировича излюбленные места. Обычно он или сидел у письменного стола, или стоял, опершись спиной о камин, локти положив на каминную полку и скрестив ноги. При этом он курил или медленно отпивал вино из бокала, который стоял тут же на полке. Потом вдруг он срывался с места, быстро куда-то устремлялся, приводя что-то в порядок, или записывал что-нибудь у письменного стола, а то просто прохаживался – вернее, пробежался – несколько раз по своей маленькой комнате, опять возвращаясь в прежнее положение.

Валентин Петрович Катаев:

Он привык носить с собой в коробочке кусочек мыла и особую салфеточку, и, высморкавшись, он каждый раз шел в кухню и там над раковиной мыл руки этим своим особым мылом и вытирался собственной, особой салфеточкой, причем, доставая их из кармана, по своей неизменной привычке, начинал перекладывать из кармана в карман различные предметы: из заднего кармана брюк извлекал, например, пачку бледно-зеленых двадцаток, приготовленных для уплаты фининспектору подоходного налога, и перекладывал ее в боковой карман пиджака, а на место пачки двадцаток засовывал маленький маузер, извлеченный из левого кармана брюк вместе с кусочком мыла, завернутого в салфетку, а мыло и салфетку перекладывал в правый карман, откуда на миг доставал стальной кастет и быстро прятал его обратно, причем заодно проверял, на месте ли в нагрудном кармане авторучка, или, как он любил ее называть несколько высокопарно, – «стило».

Подобные операции с переключением вещей он производил довольно часто. Доставая один какой-нибудь предмет, он как бы приводил в движение некий скрытый механизм, после чего происходил неотвратимый, законченный цикл переключивания предметов, их появления и исчезновения, шелканья, чем-то напоминавший движение механических фигурок в тире, приведенных в действие метким выстрелом в маленькую красную мишень.

Эльза Триоле:

Известна крайняя чистоплотность и брезгливость Маяковского, которая отчасти объясняется тем, что отец его умер, уколовшись, от заражения крови. Володя мыл руки, как врач перед операцией, поливал себя одеколоном, и не дай бог было при нем обрезать! А как-то он меня заставил мазать руки йодом, оттого что на них слиняла красная веревочка от пакета.

Давид Давидович Бурлюк:

Всякая царапина, ссадина на его больших, красных, обветренных руках (первые годы нашего знакомства поэт часто ночевал на бульварах) всегда приводили его в ужас и заставляли прибегать к йодам и коллодиям.

Вероника Витольдовна Полонская:

Был очень мнителен, боялся всякой простуды: при ничтожном повышении температуры ложился в постель.

Павел Ильич Лавут:

Десятки раз на день больной мерил температуру. Порой он ставил градусник по три-четыре раза кряду. Часто вынимал термометр раньше положенных минут, посмотрит на него, и обратно. Он разбил сперва свой термометр, за ним тот, который принесла медсестра. Раздобыли третий. И его постигла участь предыдущих. Только тогда интерес к температуре несколько снизился.

– Ирония судьбы, – улыбнулся Маяковский, – значит, пора выздоравливать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.